

18+

МАРГАРИТА ПРИЕМСКАЯ

**БРУКЛИНСКИЙ
МОСТ**

Маргарита Приемская

Бруклинский мост

«Издательские решения»

Приемская М.

Бруклинский мост / М. Приемская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503064-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Роман о любви, роман-путешествие, роман-
приключение. Роман о чувствах, разрушающих все нормы закона и морали,
о поиске своего места в жизни, о предательстве и мести, об отчаянии и
надежде. Лучшая книга для отпуска и досуга. Книга, с которой не захочется
расставаться. Все это — роман «БРУКЛИНСКИЙ МОСТ».

ISBN 978-5-00-503064-1

© Приемская М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	11
III	16
IV	17
V	19
VI	24
VII	27
VIII	34
IX	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бруклинский мост

Маргарита Приемская

© Маргарита Приемская, 2020

ISBN 978-5-0050-3064-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

«Что же я делаю! Совсем с ума сошёл? Это даже смешно! Веду себя, как какой-то подросток... нет, просто нет другого выхода! Нет, нет, нет у меня выхода! Нет!» – эти мысли словно преследовали его, а он бежал от них. Быстрее, ещё быстрее. Дыхания не хватало, было жарко, а он бежал и бежал. Под ногами стучали доски, где-то совсем близко шуршали колёса машин, редкие прохожие, недоумевающие, оглядывались. А он – вовсе не спортивный человек в дорогом сером костюме и бежевом плаще, он, тридцативосьмилетний Оскар Соррейс, он, бывший второй лейтенант армии, бывший агент ФБР, бывший бизнесмен, бывший владелец шикарной квартиры на Манхэттене, бывший муж и, наконец, бывший благополучный человек, бежал, задыхаясь, по доскам пешеходной зоны Бруклинского моста. Достигнув середины, он внезапно метнулся к ограждению и, навалившись на него всем телом, остановился. Металл приятно охлаждал вспотевшие ладони, отлупляющаяся краска и огромные болты делали его неровным, отчего он казался таким спасительно-надёжным, что во все не хотелось отпустить. Несколько секунд он медлил, затем залез на широкую балку...

...Оскар стоял, раскинув руки, тяжело, громко дышал. Ему было страшно. Несколько минут назад он всё твёрдо решил, но сейчас... страшно, страшно сделать последний шаг! Он посмотрел вниз... с шумом спешащие куда-то автомобили и вдали Ист-Ривер, спокойно несущий свои тёмные воды. Сколько таких же, как Оскар, неудачников, принял он в свои объятия... не зря, не зря прозвали этот мост «мостом самоубийц»! Пусть это было давно, пусть сейчас не двадцать девятый... какая разница, всё одно. Что двадцать девятый, что две тысячи девятый. Неудачные эти девятые года, с той лишь разницей, что теперь депрессия не только у Америки, но ещё и у него, Оскара Соррейса.

«Пора!» – решил Оскар и напоследок огляделся вокруг. Как назло, день был прекрасный, небывало тёплый для этого времени года. Лёгкий ветер приятно теребил волосы, солнце ласкало горячими прикосновениями, обещая скорое лето, и даже воздух казался каким-то слишком свежим для города, наполненным тем, безошибочно узнаваемым ароматом весны, для описания которого так плохо подходят все известные людям слова. Прощаясь, Оскар поднял глаза на высокое, с нежными дымчатыми облачками небо, на маленький зелёный островок, на родной с детства, похожий на муравейник, Бруклин и на привычный, тянущийся к небу Манхэттен... ещё секунда... другая... и только один шаг...

...Он уже был совершенно готов сделать этот последний в жизни шаг, но вдруг, на фоне небоскрёбов он заметил нечто. Нечто такое непривычное и непонятное, появившееся не к месту и не ко времени, нечто, разрушающее его планы. Прищурившись, он различил маленькую фигурку. Её не должно здесь быть, откуда она? В нескольких футах от него точно так же на балке стояла девушка, уцепившись обеими руками за фонарный столб. Ветер трепал распушенные длинные светлые волосы и слишком лёгкую для начала апреля полупрозрачную цветастую тунику. Обтянутые джинсами согнутые колени дрожали: она очень неуверенно стояла в босоножках на огромной платформе.

Это было очень странное, неиспытанное доселе чувство, но собственные проблемы сразу отступили на второй план, единственной мыслью, занимающей его, стало то, как уберечь, спасти её, ведь она слишком молода, чтобы умирать. Ветер словно продувал её насквозь, и так хотелось обнять, спрятать её, оградить, отвести от неё любую беду. Зачем она здесь? Что привело её к этому отчаянному поступку? Он уже как-никак прожил половину жизни, много имеет за плечами успехов, ещё больше разочарований, а какое горе может быть у неё? А у него? Да, что у него случилось такого, чтобы прыгать с моста?! И вообще существуют ли такие причины, такие неразрешимые проблемы, достойные того, чтобы из-за них лишиться себя жизни?! Все эти вопросы в секунду промелькнули в его голове, но отвечать на них было некогда.

– Мэм! – тихо, чтобы не напугать, позвал Оскар. Она никак не отреагировала.

– Мэм! – позвал он громче. Она опасливо оглянулась, и, заметив его, чуть не разжала от неожиданности руки.

– Успокойтесь, я всего лишь такой же неудачник.

– Я не слышу! – шум машин и ветер заглушали слова.

– Сейчас! – крикнул он и, цепляясь за тросы, начал медленно приближаться к ней.

– Стойте! Или я прыгну!

– Не беспокойтесь, я сам собирался прыгать.

– Так прыгайте! И не мешайте другим!

– Успею!

– Не успеете! Сейчас кто-нибудь вызовет полицию, они приедут и всё испортят.

– А вы как будто ждёте?

– Конечно, нет! Я сделаю, сделаю то, что намеревалась, моя жизнь не имеет смысла.

Не переживайте, вы ничем не можете мне помочь. Лучше уходите и не мешайте, – ей было трудно говорить, в горле стоял комок, она старалась не заплакать и слова звучали отрывисто. Нельзя было не почувствовать, что ей очень плохо, впрочем, те кому хорошо не стоят на балках Бруклинского моста. Утешать и убеждать смысла не было, он знал это по себе, но можно было вызвать в ней чувства, сходные теми, что вызывала она в нём.

– Нет, это вы мне мешаете и вы уходите. Впрочем, мне всё равно. Мне больше ничего не осталось! Всем будет только лучше, если я умру, – говоря это, он не слишком грешил против истины. Он думал об этом много и часто, в конце концов, именно эти мысли и привели его на мост, и только встреча с ней превратила их в какую-то несуразную глупость, но глупость, которой он надеялся спасти её.

– Я никому не нужна. И ждать нечего. Я ничего не стою! Быть актрисой моя мечта... не приняли. В шестой раз! – она сделала неуверенный шаг ему навстречу.

– Вы рано сдаётесь, у вас впереди вся жизнь. Вот моя давно кончена, не стоит продлевать агонию. Я вас только попрошу: постарайтесь быть счастливой. Пусть хоть кто-то будет счастлив. А я должен довершить начатое, – он даже подался вперёд, и у него промелькнула мысль, что ещё чуть-чуть и ему действительно придётся прыгнуть. Тут в ней что-то надломилось. Это абсолютно разные вещи: пытаться совершить самоубийство и видеть, как на это решается другой человек. К этому невозможно остаться безучастным.

– Нет! Стойте!

– Зачем продолжать своё жалкое существование?!

– Я не хочу!

– Вы не хотите? Вам должно быть совершенно на меня наплевать, как и всем остальным.

– А я не хочу, чтобы вы умерли. И если вы это сделаете, я последую за вами. Хотя, вам должно быть всё равно. Но я ведь знаю что это не так. И это очень странно.

– Вы правы. Как вас зовут?

– Мел. Мелисса, – она протянула руку.

– Оскар, – он пожал её дрожащую ручку, и она мгновенно вцепилась в его рукав.

– Тише, тише, а то мы сейчас свалимся! – теперь они стояли совсем рядом и он мог хорошо разглядеть её миленькое личико с чёрными подтёками от туши на бледных щеках, большими карими глазами и маленькими вишнёвыми губками.

– Мы же собирались.

– Мне уже расхотелось. А вам? – он-то давно уже не хотел прыгать. Не хотел с того момента, как увидел её. Единственное что он хотел, это как можно быстрее спасти эту девушку, маленькую, беззащитную, дрожащую от страха и холода, с растрёпанными на ветру золотистыми волосами и заплаканными, но всё равно необыкновенно тёплыми глазами, хотел сделать так, чтобы её жизни больше ничего не угрожало, и кажется, ему это почти удалось.

– Я боюсь... – она почти отпустила вторую руку, которой всё ещё держалась за столб, сделала ещё один шагочек и её нога чуть не соскользнула вниз.

– Осторожно! – он едва успел ухватить её за плечо и, отклонившись назад, увлѣк за собой. Вместе они рухнули на доски. Она сразу же вцепилась в его плащ и зарыдала. Несколько минут они так и лежали, пока Оскар не поймал себя на мысли, что почему-то не может отпустить её руку. Она рядом, она с ним, она в безопасности и он не может её отпустить. И, наверное, уже не сможет, – Ну, кто же в таких туфлях лазает по мостам! – шепнул Оскар ей в ухо и ласково улыбнулся, поглаживая мягкие волосы на макушке, – Надо подняться, – он помог ей встать и усадил на одну из тех скамеек, что украшают пешеходную часть Бруклинского моста.

– Дерьмо! Одно дерьмо вокруг! В моей жизни!

– Как знакомо. Я вообще-то чемпион по плаванию в дерьме.

– Надо мной все смеются... я хочу сниматься в кино... но ничего не выходит... Энн и Джесс считают меня душой... в школе надо мной постоянно издеваются... мама хочет, чтобы я училась... чтобы я была врачом... не хочу... она понять не может... изо дня в день одно и то же: я никто и ничто... даже Майкл... он... он целовался с этой идиоткой Барби!

– С куклой? У него проблемы? – тем же шутливым тоном спросил Оскар.

– Нет, – она отпрянула от него и тоже улыбнулась, – не с куклой, с Бланш Оливер. Она у нас в школе самой красивой считается. Ноги просто от ушей, не то, что я, коротышка. Вот я и прозвала её «Барби». Она и её подруги меня ненавидят.

Она уже почти не плакала, Оскар достал из кармана носовой платок и стал оттирать чёрные подтеки с её щѣк. Он невольно залюбовался огромными удивлёнными глазами и пышными ресницами. Он никогда не видел такого нежного, такого тёплого взгляда, почему-то казавшегося ему необыкновенно родным.

– Простите, сэр, я всякую чушь говорю. Но мне надо было это сказать. Очень сложно когда некому сказать о том, что раздражает тебя изнутри. Я понимаю, вам до меня дела нет, но спасибо. За то что слушали и за то что спасли.

– Это кто ещё кого спас! Если бы я тебя не заметил, меня бы уже вылавливали.

– Вы преувеличиваете. Вы не похожи на самоубийцу. Мне кажется, вы состоятельный, благополучный.

– Был до вчерашнего дня. Сначала меня попросили со службы, уже год как ушла жена, месяц назад я лишился квартиры, на прошлой неделе я узнал, что бизнесмена из меня не вышло, а сегодня забрали машину. Так что сегодня я потерял самое дорогое.

– Вы так любили машину? Больше жены?

– Машина не говорит ежедневно в течение одиннадцати лет, что я неудачник и что она вышла замуж только из мести бывшему парню.

– Неужели вы из-за машины решились это сделать? – глаза Мел округлились от изумления.

– Я ошибаюсь, или кто-то решил сделать то же самое из-за какой-то роли в кино?

– Нет, не из-за этого. Потому что пусто. А наполнить жизнь ничем не получается.

– Вот и у меня машина была, наверное, единственным моим другом.

– Совсем-совсем? А как же ваши родители? – почему-то она не поверила.

– Отца я почти не помню, он погиб во Вьетнаме, я был совсем маленьким, мама умерла шесть лет назад.

– Простите. А дети? У вас есть дети?

– Нет.

– Прямо ни одного нет? – по неясным причинам ей казалось это удивительным, ей казалось, что у него обязательно должны быть дети.

– Ни одного. Не думаю, что я чего-то о себе не знаю!

– А друзья?

– Очень далеко. Правда один бывший сослуживец разрешил пожить немного в его квартире, вот и всё, наверное.

– Мало. У меня, вроде как, есть Энн и Джесс, и ещё Майкл... был. А у вас есть девушка? – по инерции выпалила она и сразу же застенялась своего смелого вопроса.

– Нет, – ответил он совершенно невозмутимо, – Вы, однако, очень профессионально ведёте допрос.

– Допрос? Ой, простите, просто вы... я не хотела ничего вызнавать...

– Я знаю, как исправить ситуацию. Я всё выложил, ваша очередь. Рассказывайте!

– А что рассказывать?

– Всё. Родители, братья, сёстры, друзья, парни, пароли, явки. Всё-всё!

– Мне нечего рассказывать. У меня только мама. Отца я вообще никогда не видела. В детстве мама пыталась рассказывать сказки про астронавта, улетевшего осваивать Луну, но в тринадцать лет я попросила правду, и оказалось, что он просто испугался и исчез, как только мама ему сказала обо мне. Но я на него не в обиде, было бы гораздо хуже, если бы они развелись, когда мне было, скажем, лет семь. Ведь тогда бы я потеряла папу, а так... нельзя же сожалеть о том, чего никогда не знал. Больше никого у меня нет. Разве что подружки по школе.

– Получается у нас много общего. Удивительно, как мы встретились, да ещё в самый нужный момент.

– Почти невероятно. Наверное, мы теперь должны стать лучшими друзьями. Вот я и сказала эту чушь, которая так долго вертелась на языке. У меня на самом деле такое ощущение что мы знакомы долго-долго. Знаю, это звучит глупо и по-детски, но, сэр...

– Оскар.

– Что? – она сбилась с мысли.

– Какой я тебе сэр, если я твой друг.

– Боже, какую же чушь я несу! Я, наверное, выгляжу просто малолетней дурой!

– Вовсе нет, и ты слишком часто называешь себя дурой. В конце концов, тебе поверят.

– Кажется, некоторые уже поверили. Особенно Бланш.

– Не обращай внимания. Каждый судит по себе.

– Может быть. Но я действительно не могу назвать себя умной.

– Почему?

– Я плохо учусь. То есть, не плохо, в моей школе не выйдет плохо учиться, и раньше я очень старалась, ведь мама говорила, что это большая удача, что мне удалось поступить в эту школу, и я тоже так думала. Но с каждым днём я все больше думаю: а зачем она мне? Я не могу больше стараться. Я чувствую себя зверушкой, бегущей в колесе. Я трачу столько сил на то, что мне в действительности не надо, и поэтому стараться становится всё труднее и труднее.

– Учёба ещё не показатель. И разве нет предмета, в котором ты разбираешься, который нравится?

– Есть. Я химию хорошо понимаю и биологию люблю.

– Ничего себе! Когда я учился, я это терпеть не мог.

– А мне к несчастью даётся.

– Не понял. Почему к несчастью?

– Потому что мама решила сделать из меня врача. Она сама стоматолог, и тут надо же, такая радость, дочка может продолжить дело! Хотя дела-то и нет, она всегда хотела иметь собственный кабинет, но средства не позволяют и она работает медсестрой.

– А почему тебе не хочется быть врачом?

– Скучно. Опять рутина. Опять изо дня в день одно и то же. Вот в фильмах одни герои влюбляются, другие спасают мир, третьи грабят банки, у них у всех что-то случается, а в простой, реальной жизни совершенно нет событий!

– Но ведь кино это вымысел.

– Знаю. Я прекрасно понимаю, что в жизни всего этого быть не может, вот и хочу переживать всё на экране.

– Это же ненастоящая жизнь.

– Зато это сотни жизней в одной! Это совершенно другой мир, который люди создают собственными руками. Но он, видимо, не для меня.

– Просто у тебя полоса неудач. Она пройдёт и всё наладится.

– Кто бы говорил! Я не одна там стояла. И как это нам так замечательно не везёт? Даже с моста не удалось спрыгнуть! – и она засмеялась.

– А вдруг это первое везение?

– Хорошо бы. Я вообще очень рада, что встретила тебя.

– Я тоже рад. Жаль, если бы этой встречи не случилось.

– Да, жаль. Вот уже темнеет, завтра будет новый день, и он мог бы быть без нас. Ну что ж, похоже, мне пора. Знаешь, спасибо тебе большое! Удачи.

– Тебе тоже. Проводить?

– Нет, не беспокойся. Я живу рядом.

– Пока.

– Пока, – Мел поднялась со скамейки и не спеша пошла по направлению к Бруклину.

– Мелисса! – вдруг окликнул её Оскар.

– Да? – она обернулась и увидела его, стоящего лицом к ней и неуверенно разводящего руками. Он и выглядел как-то нелепо, и совершенно неловко быстро пошёл ей навстречу, ошибочно двигаясь по полосе, по которой полагалось идти в другую сторону, и поэтому его постоянно теснили встречные прохожие.

– Мел, может, встретимся ещё?

– Хорошо. А где?

– Где? Да хоть здесь. Давай завтра здесь встретимся.

– Давай. В пять будет удобно?

– Конечно, удобно, у меня ведь теперь нет работы. До встречи!

– До завтра.

II

Следующий день выдался более холодным и пасмурным. Оскар сидел на той же самой скамейке, держа в руке весёлую и бесконечно глупую оранжевую циннию. Он смотрел на этот одинокий цветок и никак не мог для себя понять, ждёт ли он встречи или страшиться? Она слишком молода, хорошо, если ей восемнадцать, а он пригласил её на свидание! Что ему нужно? Тешить себя мыслью, что он пока ещё не стареет и интересен молодым девушкам? Они встретились при таких обстоятельствах, что она заранее к нему расположена, и он этим пользуется. Имеет ли он на это право? Зачем ему это? Мел ему понравилась? Да, она симпатичная, но она же ещё ребёнок! Но стоит признаться, ничего детского он в ней не видел. Вот и она... Женственная фигура, ровные ноги, тёмные узкие классические джинсы, чёрные ботинки на шпильке, серый вязаный жакет до колен, длинные волосы заколоты кверху. С этого расстояния она больше похожа на успешную тридцатилетнюю женщину, чем на тинэйджера. Он рассматривал её и понимал: она отличается от своих ровесников, она действительно старше! Слово «молодёжь» к ней не подходит, она не из тех девиц, которые и в пир и в мир носят одни и те же потёртые джинсы, маечки с дурацкими принтами и стоптанные кроссовки. Через пару лет эти приметы возраста исчезнут, потому что хозяйки этих образов повзрослеют, а Мел или уже повзрослела, или устроена как-то иначе. Но имеет ли он право этим пользоваться?

Она увидела его ещё издали. Сидит, сгорбившись на скамейке, теребя между ладонями цветок. Невероятно одинокий, невероятно несчастный человек! Конечно, она догадывалась о его чувствах, да и сама много думала. Зачем ей это? Вот сколько ему лет? Около сорока. А ей шестнадцать, и то недавно! Очень странно, но с ним легко, удобно общаться. Гораздо приятнее, чем с Энн и Джесс, хотя они её лучшие подруги. Но какие у них могут быть отношения? Он старый одинокий неудачник, зачем он ей нужен? Похвастать романом со взрослым мужчиной или вообще, романом? Это же низко! Но сегодня она не удержалась и сообщила Энн и Джесс по секрету, но так чтобы слышали все, что у неё будет свидание. А что тут плохого? Она же не врала, у неё правда свидание. Или чтобы позлить Майкла? Этой цели она тоже достигла, как только он услышал о свидании, тут же пристал с вопросами и, казалось, совершенно позабыл про Бланш, с которой до этого без перерыва о чём-то болтал. Но ведь это подло по отношению к Оскару. Он такого не заслужил.

– Привет! – подойдя чуть ближе, крикнула Мел, весело помахав рукой. Он встал и пошёл навстречу.

– Привет. Это вот, тебе.

– Спасибо. Очень милый цветок.

– Может, пройдемся?

– Пожалуй.

– Направо, налево? Бруклин, Манхэттен?

– Бруклин.

– Как скажешь. Я кстати знаю одну замечательную пиццерию.

– То, что надо, с утра не ела!

– Несколько минут они шли молча. Первым заговорил Оскар.

– Как дела? Жизнь налаживается?

– Кто её знает! Я даже толком понять не могу, что меня на этот мост вчера потянуло. Знаешь, вот бывает у тебя так, что всё в один момент становится невыносимо тошно и противно?

– Не поверишь, вчера как раз было!

– Да, конечно. Я и забыла. Уже забыла... надо же! А тогда я не знала, что делать: как разговаривать с Майклом, что ответить Энн и Джесс, ведь я уже им похвасталась, что меня прак-

тически взяли на эту роль, как сдать все тесты в школе, как вести себя с мамой, и стоит ли продолжать настаивать на карьере актрисы. Мне захотелось чего-то совершенно нового. Какого-нибудь поворота в судьбе. Понимаешь? Всё представилось таким неожиданно отвратительным, что захотелось от всего разом избавиться. Понимаешь? Знаю, что понимаешь. А как ты там оказался?

– А я просто понял, что потерял всё, до конца.

– Как ты разорился?

– С кризисом охранные системы стали не популярны: кому-то уже нечего охранять, кто-то стал экономить.

– Но он ведь кончится, этот кризис. Не может он быть вечным.

– Только для меня это будет слишком поздно. Ладно, пора перестать жалеть себя. Знаешь, почему-то с тобой все проблемы кажутся сущей ерундой!

– Мне тоже. Не зря же мы спасли друг другу жизнь!

С этого дня их встречи на Бруклинском мосту стали регулярными. Им было очень хорошо вдвоём. На удивление комфортно и удобно. Почему-то их тянуло рассказать друг другу абсолютно всё, не боясь показаться при этом нелепыми или глупыми. Не стесняясь друг друга, они могли громко смеяться, вздрагивать от ужаса или сочувственно вздыхать, хрустя попкорном в кинотеатре; облизывать пальцы, съев мороженое или пиццу в кафе; с шумом втягивать в трубочку последний глоток из стакана и беззаботно вопить, катаясь на аттракционах. Её актёрская мечта как-то незаметно сгладилась, перестала быть такой навязчивой идеей. Мел хотелось новых впечатлений, эмоций, чтобы один день не был похожим на другой, но теперь ей не нужно было сто экранных жизней. Ей вполне стало хватать своей одной, той, от которой она так легкомысленно собиралась отказаться и которую спас и продолжает спасать самый лучший, самый понятный и близкий на свете человек.

Прошло около двух недель, а они так и не обменялись телефонами. Оскар почему-то не мог решиться спросить, а Мел стеснялась спросить первой. В тот день у Мел всё шло из рук вон плохо: опоздание на первый урок, «F» за тест по математике, висящий мёртвым грузом доклад по английской литературе, очередная ссора с мамой, насмешки и упрёки Джесс, непрерывная подножка в столовой от подружки Бланш Тессы Мойер, случайно увиденный поцелуй Майкла и Бланш, очередной отказ на кастинге, придурок на «Ягуаре», обрызгавший её новые белые брюки, не вовремя разрядившийся мобильник и в довершение ко всему, в этот день ей не удалось встретиться с Оскаром. Почему-то именно это обстоятельство и вызывало наибольшую досаду, а кастинг, и тем более Майкл и Бланш, почти не расстраивали. Ей было плохо, даже как-то физически плохо. И вовсе не помог двухчасовой горячий душ, а ведь это было самое эффективное средство, чтобы прийти в себя. Она лежала в тёмной комнате с открытыми глазами. Можно было встать и что-то сделать, но вставать, а тем более что-то делать совсем не хотелось, можно было спать, но заснуть не получалось, хотелось плакать от накопившихся проблем, но слёзы почему-то не шли. Конечно, это вовсе не причины прыгать с моста, но она дошла примерно до того состояния, в котором пыталась это сделать и не могла бы за себя поручиться, если бы был день. Ей был просто необходим разговор с другом. Настоящим другом, которому не постесняешься позвонить в два часа ночи. Энн на эту роль мало подходила. Джесс – тем более. На самом деле, на эту роль подходил только один весьма конкретный друг – Оскар. Но его номера она не знала, да и звонить всё-таки было бы не очень прилично. Тут её осенила идея. У современного человека есть один безотказный, незаменимый помощник: он всегда рядом и готов к действию в любую секунду, и имя ему – Интернет. Она потянулась за ноутбуком, лежавшем, как обычно, на столике рядом с кроватью. Открыв свою страничку в фейсбуке, Мел набрала в поисковике «Оскар Соррейс». Она сама не жаловала ники и решила, что если Оскар и есть в сети, то только под настоящим именем. Если его не окажется на фейс-

буке, можно поискать в твиттере или ещё где-нибудь. Не Смит всё-таки, можно и найти. Мел повезло. Оскар Соррейс был и был только один, к тому же он был на сайте. Мел попросилась к нему в друзья и стала изучать страничку. Сразу стало понятно, что Оскар в сети не засиживался. Страница была почти пуста, а то, что было написано, Мел и так знала. В друзьях было не больше десятка человек, на фотографии он сидел за рулём чёрной машины без верха. А вот и долгожданный ответ:

«Привет, как здорово, что ты меня нашла! Я уже второй час копаюсь, не знал, как правильно пишется твоя фамилия и перебирал варианты»

«А я быстро тебя нашла. Ты такой единственный! Почему не спишь?»

«Это не так просто...»

«Понимаю. У самой был жуткий день»

«Проблемы с учёбой?»

«И не только. Порой мне кажется, что вокруг меня одна сплошная проблема! А ты как?»

«Аналогично. Сегодня было три собеседования, а результата ноль. И чем я так не нравлюсь?»

«Это просто кризис. Когда-нибудь он кончится»

«Меня не устраивает когда-нибудь! Не могу же я жить у Роджера пока кризис не кончится! А если он кончится только через год или два? Мне конечно не плохо на диване с Нормой, но надо и совесть иметь».

– Вот именно! – буркнула себе под нос Мел, чувствуя, как перехватило дыхание от злости, но тут же себя отругала, – Остынь, вы только друзья, он совершенно свободный человек! – и ответила:

«Я полагаю Норма тоже не против такого соседства»

«Ты что, у нас война по всем фронтам! Роджер не разрешает ей залезать на свою постель, а на полу она не будет спать ни за какие коврижки».

– Странные отношения... – удивилась Мел и решила прояснить ситуацию:

«А кем Норма приходится Роджеру?»

«Норма приходится Роджеру собакой. А ты что подумала, что она девушка? Как это всё, наверное, дико звучало...»

«О, да!»

«Вот ты и улыбаешься!»

«Откуда ты знаешь?»

«Я тебя знаю. Наизусть»

«И как я могла раньше без тебя обходиться! Я бы не смогла заснуть, не поговорив с тобой»

«Я искал тебя здесь из тех же корыстных соображений. Встретимся завтра? Как обычно?»

«Конечно. Давай уже спать. Поздно»

«И, правда, поздно. Запиши мой номер, на всякий случай...»

«Ты тоже мой запиши...»

– Как же всё просто! – подумали они одновременно.

Отныне Мел, совсем как её одноклассница Тесса Мойер, не выпускала из рук телефона, то звоня, то посылая сообщения, за что часто ругали на уроках. Подруги теперь ей тихо завидовали, точно так же как завидовали Тессе, у которой парень учится в колледже и живёт во Флориде, или Бланш, которая считалась «официальной звездой» класса, была капитаном группы поддержки и никогда не страдала отсутствием мужского внимания. Джесс не давала покоя личность Оскара, и она периодически устраивала Мел «допросы с пристрастием».

– Мел, ну расскажи всё-таки, кто он?

– Человек.

– Я понимаю, что не обезьяна! Я спрашиваю, где он работает?

– На работе.

– Он что русский шпион? Такое впечатление, что я пытаюсь выведать государственную тайну! «Секретные материалы», я Малдер, а ты Курильщик! – теряла терпение Джесс, а Мел сохраняла невозмутимость. Но всё равно любопытство Джесс её раздражало и, постепенно, Мел стала всё реже общаться с подругами, а на возобновившиеся ухаживания Майкла и на вечные насмешки и издевательства Бланш вовсе не обращала внимания. Её теперь ничего не касалось, у неё появился свой личный маленький секретный мир, идеально защищённый и идеально защищавший её от всех внешних неприятностей. Такой мир есть у всех без исключений, просто зачастую человек и не подозревает, что у него есть эта спасительная бухта. Иногда он перерастает в болезнь или зависимость, но в основном он безобиден и даже полезен. Если у человека нет такого мира, то он живёт лишь внешней физической жизнью, а внутри, в душе, он пустой, как шарик для пинг-понга. Этот мир индивидуален: у детей это любимые игрушки, воображаемые друзья, у трудоголиков это работа и бизнес, у других – семья, хобби, социальные сети, и даже любимые книги, фильмы, компьютерные игры. У Мел – это Оскар, а у Оскара – это Мел.

К этому уроку Мел не готовилась. Они проходили «Гордость и предубеждение», это был её любимый роман, впервые она прочла его лет в двенадцать и с тех пор несколько раз перечитывала, так что она могла бы процитировать его с любого места, и как-то специально готовиться было смешно, да и учитель не мог сказать ей ничего нового. Мысли поминутно уносились к грядущим событиям сегодняшнего вечера. Почему-то Мел чувствовала, что сегодня произойдёт нечто важное. Между тем, учитель, мистер Кэрридж, неожиданно решив узнать личные мнения учеников о прочитанном романе, задал вопрос:

– Как вы считаете, в какой момент Элизабет поняла, что любит мистера Дарси? Кто-нибудь хочет ответить? Мисс Оливер?

– Когда увидела его поместье, – ответила Бланш.

– Не все столь меркантильны, мисс Оливер. У кого-нибудь есть другое мнение? Мистер Лимсби?

– В книге этого не сказано, – буркнул Майкл.

– Думаю, вам стоит перечитать роман и обратить внимание на контекст. Что ж, продолжим. Мисс МакГилл? Мисс МакГилл! – Мел смотрела мимо него каким-то невидящим взглядом, словно спала с открытыми глазами, и неосознанно теребила прядь волос. Энн пихнула её локтём в бок. Мел вздрогнула, и непонимающе завертела головой.

– Что?

– Отвечайте, Мелисса.

– Простите, мистер Кэрридж, вы бы не могли повторить вопрос?

– Когда она поняла, что влюблена?

– С первого взгляда, разумеется.

– Вы так считаете? Поясните, пожалуйста.

– Он не дал совершить ошибку, не дал упасть с моста, утёр слёзы своим платком...

– Мисс МакГилл, позвольте поинтересоваться, а вы какой роман читали?

– Не думаю, что Джейн Остен считала настолько интересными подробности твоей интимной жизни, чтобы включить их в свою книгу! – ехидно заметила Бланш.

– Заткнись, Бланш! – неожиданно грубо осадил её Майкл.

– Простите, я... что-то... Простите! – пробурчала Мел и выскочила из класса.

Хлопнув дверью, она остановилась и сползла по стене на пол. Мысли лихорадочно металлись, она ничего не видела и не понимала что Майкл стоит рядом, что-то говорит, тормошит её за плечи... она ничего не понимала, кроме своей неотступной, бешеной мысли: «Неужели! Всё, это конец света! Влюбилась?! И в кого! Нет, это не правда, невозможно! Точно – конец света,

другого объяснения нет. Сейчас, сию секунду. И пусть майя помолчат со своим две тысячи двенадцатым! Она не может так глупо влюбляться!» Но стоит закрыть глаза, и вновь, это лицо – как фотография, нет намного более живое, и улыбка – нежная, понимающая, и прищуренные от солнца глаза, и ласковое прикосновение к волосам, и она плачет, вцепившись в лацканы его плаща, прижавшись к совершенно не знакомому, чужому человеку, а он бережно вытирает ей слёзы платком... он, самый близкий и такой родной чужой человек...

III

День потихоньку угасал. Закатное солнце медленно тонуло в Ист-Ривере, обливая золотисто-оранжевым светом ложно-готические опоры Бруклинского моста. Они молчали. Говорить совсем не хотелось, было неестественно для Нью-Йорка тихо, только тёплый лёгонький ветер нежно трепал волосы.

- Уже темнеет, а так тепло...
- Как-никак через две недели лето.
- Отсюда такой красивый закат.
- И ты.
- Что и я?
- Красивая.

Это было правдой. Солнце, как самый искусный ювелир, позолотило каждый её волосок, в карих глазах плясали весёлые огоньки. Ещё никогда он не видел её такой красивой, и ещё ни одна женщина не была настолько ему близкой, понятной и... любимой. Да, он ещё никого так не любил. Он любовался Мелиссой прищуренными от солнца глазами, тёплая волна нежности мягко заглушала разум, он не смог устоять перед этим чувством и, взяв в ладонь её подбородок, ласково, едва касаясь, провёл большим пальцем по её гладкой щеке и губам... Остатками сознания он понимал, что делать этого не следует, но всё же, нагнулся к её лицу и аккуратно, коротко поцеловал.

- Я не уверен, что это правильно.
- Я тоже, – она обвила его шею руками и поцеловала в ответ.
- Мы уже не сможем делать вид, что мы друзья, – шепнул он, даже не отстранившись.
- Похоже, что так, – также тихо ответила она. Их лица были совсем рядом и губы чуть не касались друг друга.
- С моей стороны это подло...
- С моей – глупо...
- Нас не поймут...
- Нас осудят...
- Но мне всё равно...
- Какое нам дело...
- Я люблю тебя... я с ума сошёл, боялся думать о том, как ты ко мне относишься.
- Люблю... я так мечтала, что ты это скажешь, но не позволяла себе надеяться. Ты старше, я думала, ты не видишь во мне женщины, не можешь полюбить.
- К сожалению, я только женщину в тебе всегда и видел.

С этого дня их встречи изменились. Теперь это были настоящие свидания с цветами, ресторанами и нежными поцелуями. Они перестали быть товарищами по несчастью, изливающими друг другу душу, жалуясь на свои проблемы, они стали влюблённой парой с общими переживаниями и общими проблемами. Чувство, намертво припаявшее их друг к другу, не могло не породить вороха новых неприятностей, но вместе с тем и поделило их надвое, став для них жизненно важным источником силы.

IV

Почти всё субботнее утро Ванесса МакГилл посвятила уборке в своей квартире. Сегодня дочь должна познакомить её со своим новым парнем... или другом... или... как же назвать человека, встречающегося с твоей дочерью, но который на год старше тебя?! Она привыкла к выходкам Мелиссы, но такого ожидать никак не могла. Раздался звонок в дверь. Ванесса глубоко вздохнула, и, собрав остатки решимости, открыла.

– Привет, мам! Познакомься, Оскар Соррейс. Оскар, это моя мама Ванесса МакГилл, – Оскар несколько удивился, увидев мать Мелиссы. Мел никогда не говорила, как она выглядит, и он представлял себе женщину лет под пятьдесят, с лицом Мел, несколько изменённым морщинами. Но не тут-то было. Если бы он встретил их на улице, то решил бы что они просто подруги, такими они были разными. Ванесса – очень худенькая, маленькая женщина, с тонюсенькими ногами в облегающих синих джинсах и руками, торчащими палочками из закатанных рукавов белой рубашки, выглядела даже моложе дочери. На остром, узком лице выделялись огромные тёпло-карие глаза – практически единственное, что унаследовала от неё Мел, а волосы, напротив, были хоть такими же густыми и длинными, но тёмными и тонкими.

– Очень приятно, мисс МакГилл, – он протянул ей белую лилию. Мел предупредила, что белый – её любимый цвет.

– Боже! Можно просто Ванесса. Проходите! Чай, кофе?

– Спасибо, кофе.

Войдя, Оскар увидел сияющую неестественной чистотой только что убранного помещения просторную комнату со светлыми стенами и белой мебелью. На стеклянном журнальном столике и таких же полках лежали кипы глянцевого журналов. В простенке меж двух узких голых окон стояла высокая пальма в пластиковом горшке, а одну стену украшала большая плазменная панель.

– Какая светлая комната, – заметил Оскар.

– Как стоматологический кабинет. Мама любит минимализм. Ты садись.

Они расположились на диване. Ванесса подносом сдвинула журналы и устроилась в кресле напротив.

– Так значит, мистер Соррейс, ваша фирма занимается установкой охранных систем? – спросила она, разливая кофе.

– В данный момент я без работы, – несколько смутившись, ответил он.

– Мама! – Ванесса не обратила внимания на недовольный возглас дочери и невозмутимо продолжала:

– Берите сливки, сахар.

– Спасибо.

– Так на что же вы живёте?

– У меня остались некоторые средства.

– И живёте, насколько я знаю, у приятеля.

– Да, у меня временные трудности с жильём.

– И вы встречаетесь с моей дочерью?

– Да. Надеюсь, вы не против?

– Я? – она усмехнулась, – Мало верится, что моё мнение вас интересует.

– Мама!

– А что, я не права? Или ты считаешь, что всё это нормально?

– Мама, я бы попросила!

– Что? – поинтересовалась Ванесса, будто не понимая, что дочь имеет в виду.

– Лимон! – выпалила Мел.

– Возьми на кухне. Я забыла принести.

Мел пришлось выйти. Ванесса тут же перевернулась: сдвинулась на краешек кресла и, наклонившись к Оскару, быстро заговорила громким шёпотом, как будто долго дожидалась этого момента. Впрочем, так оно и было, ведь она не могла не помнить, что Мел пьёт кофе только с лимоном, и специально даже не стала его резать.

– Скажите мне, вы отдаёте себе отчёт в том, что делаете? Мел ещё ребёнок! Ей только шестнадцать! Вы человек взрослый, у неё никогда не было отца и с вами она чувствует себя защищённой, уверенной в себе. Конечно, она влюбилась, ей кажется, что и вы её любите. Но как вы можете её любить! Она надоест вам через месяц, в лучшем случае, через год, а жизнь вы ей уже сломаете. Остановитесь, пока не поздно, я умоляю вас, оставьте мою дочь в покое, не портите ей жизнь!

– Понимаю вас, я совсем не подхожу на роль спутника вашей дочери, но как это ни странно, я люблю, действительно люблю Мелиссу. В это сложно поверить, я не смогу, наверное, объяснить... понимаете, она для меня нечто большее, чем просто девушка, она спасла меня от самой большой глупости, какую я хотел совершить. Знакомство с ней это самое потрясающее, что было в моей жизни, я сделаю всё, чтоб она была счастлива. Я сознаю, это противоестественно, возможно наши отношения и выглядят пошло или ненормально, но чтобы там не казалось, это настоящие чувства. Я никогда не причиню ей боль.

– Значит, вы не хотите меня понять.

– А вы не хотите понять Мелиссу. Она сама должна решить, чего хочет.

– Она ещё слишком молода для собственных решений в подобных вопросах.

– Что ж, вам виднее. Только знайте, если бы я действительно намеривался поступить по отношению к ней нечестно, я бы вряд ли пришёл в ваш дом.

– В конце концов, закон на моей стороне!

– В вопросах уголовного права я осведомлён лучше, чем вы думаете. Пока в моих действиях по отношению к вашей дочери не было состава преступления, если вас это интересует.

– Вам просто льстит роман с юной девушкой!

– Мама! Что ты говоришь! Что тут у вас произошло? – в дверях появилась Мел с блюдцем нарезанного лимона.

– Всё в порядке, Мелли. Думаю, что мне следует уйти. Спасибо за кофе, Ванесса. Был очень рад с вами познакомиться.

– Оскар, что случилось?

– Ничего. Всё в порядке. До завтра.

– До завтра. Мама, что ты ему сказала?!

V

В школьном коридоре было по обыкновению шумно. Энн оживлённо рассказывала Джесс о том, какую чудесную блузочку она видела в торговом центре на Фултон-Стрит, куда большинство девушек из их школы ходили как в музей – поглазеть на модные новинки, а потом изводились, с нетерпением ожидая распродаж. Мел стояла, прижавшись спиной к стене, и делала вид, что ей тоже интересно про блузочку, напротив них Бланш и Майкл о чём-то мило шептались. Заметив, что Мел смотрит в их сторону Майкл нарочито приобнял Бланш, но на Мел это совершенно не произвело впечатления.

– Почему мне не пойдёт красный? – возмущалась Энн.

– Ты блондинка с серыми глазами! Какой тебе красный, тебе хорошо голубой, синий, зелёный.

– Это же скука смертная, что мне теперь, перекрашиваться? А ты, Мел, как считаешь?

– Нет.

– Что нет?

– Ты что-то сказала про окрашивание. Я говорю, нет, тебе не нужно краситься.

– Я не о том! Ты совсем не слушала!

– Не видишь, она снова в облаках витает и ей наплевать на подруг. Когда же ты нам, наконец, покажешь своего Оскара? – с усмешкой поинтересовалась Джесс.

– Он не статуэтка от киноакадемии, чтобы его показывать! – отшутилась Мел. Ей не нравились подколы подруг. Она искренне не понимала их иронию. Что из того что шестнадцатилетняя девушка влюбилась? Или шестнадцатилетним девушкам полагается влюбляться только в одноклассников? А высший пилотаж – это парень из колледжа как у Тессы Мойер? Тогда она просто астронавт какой-то! В этот момент, как нельзя кстати, зазвонил телефон. Она отошла на пару шагов и отвернулась, крепко зажимая свободное ухо.

– Привет! Что говоришь? Встретиться? Конечно! Где обычно? Нет? Подъедешь? Как это подъедешь? Ну, хорошо. У меня сегодня не будет двух последних уроков, так что я освобожусь раньше. Знаешь адрес? Форт Грин Плейс, 29. Хорошо, жду. Целую. Я тоже тебя люблю. Пока!

– Представь себе, я могу угадать, кто тебе звонил! – из-за плеча послышался голос Джесс.

– Не утруждайся.

– Слушай, я давно хотела спросить, о чём можно болтать целыми днями?

– Обо всём Джесси, обо всём! Лучше бы спросила это у нашей Барби, она от Майкла вообще не отлепляется. Впрочем, тебе недолго осталось мучиться от любопытства, сегодня ты, наконец, увидишь Оскара.

Мел вместе с подругами вышла из монументального здания школы и оглядела запруженную автомобилями улицу. Оскара она сразу найти не смогла, пока её не спросила Энн:

– Смотри, что этот старый пижон размахался?

– Где?

– Вон, на той стороне, у чёрной машины.

Мел радостно замахала в ответ.

– Ты что, его знаешь? Твой папаша, что ли объявился?

Но Мел уже не слушала, быстро перебежала улицу, Оскар привычным движением её поймал и нежно, уверенно поцеловал, так, будто они уже лет пять были женаты.

На крыльце всё происходящее произвело настоящий фурор. Лицо Бланш перекосила зависть, а Майкл уставился на них и по-идиотски моргал глазами.

– Нет, это не папаша, – констатировала Джесс.

– Значит это и есть Оскар!? – воскликнула поражённая Энн.

– Значит, этот Оскар оказался богатеньким любителем малолеток. Не думала я, что Мел на такое способна ради денег, – Джесс скривила губы от отвращения.

– Джесс, не будь занудой. Мел его любит!

– Какая ты наивная, Энн! Он же старый.

– По правде говоря, не очень. Вообще-то его отсюда плохо видно.

– Лысину видно неплохо. Купил он её, вот и всё.

– Я не вижу никакой лысины. Может он вовсе и не богатый!

– Да иди ты! Такая тачка!

– Но она же старая.

– Энн, ты знаешь, что такое «антиквариат»? – вмешалась Бланш, – Это не машина для передвижения, а предмет роскоши, эта тачка может быть четвёртой или пятой в его коллекции, собственно, как и Мел. Хотя у Мел, наверное, номер будет побольше!

– Да вы просто завидуете!

– Ничуть! – возразила Джесс, – Просто машина классная, тюнинг вообще отпад! Могу поспорить, что сиденья из кожи наппа, а приборная панель красного дерева. Майкл, не знаешь, что это за машина?

– Где? – спросил он, хотя смотрел прямо на неё.

– Да вон, чёрная.

– Бью... ик... LeSabre, по-моему, – название застряло у него в горле. И не понятно, что более поражало: машина или то, что владельцу этой машины Мел, его Мел позволяет так нахально себя целовать.

Мелисса с торжеством взглянула на шокированных одноклассников, но маленькая тщеславная мысль о том, какое она произвела впечатление, тут же сменилась другой, более серьёзной, даже несколько беспокойной – о том, что произошло с Оскаром.

– Оскар, это что такое?

– Машина. Не видно?

– Видно, но откуда? Ты что угнал этот раритет с киностудии?

– Это и есть моя машина. И не такой уж раритет, она шестьдесят третьего года. Я одолжил денег у друга и её выкупил.

– У друга-миллионера?

– Ты думаешь, её дорого оценили?

– Ещё бы! Такая красота.

– Её оценили почти как металлолом. Я снял с неё всё что можно, даже бампера заменил на ржавые и одну дверь на мятую. Подпортил основательно и её внутренности, в общем, сделал так, чтобы она была не на ходу. Целую неделю возвращал всё обратно. Садись!

– И как ты до такого додумался! А куда мы поедём?

– Только до горизонта и сразу обратно...

Шоссе нежно шуршало под шустрыми колёсами. Мел не могла и минуты усидеть на месте от переполнявших её эмоций. Она вальяжно откидывалась на кожаную спинку сиденья, и её волосы развивались как в романтическом фильме, вскакивала, махала руками, и ветер надувал парусом её белую хлопковую рубашку, а потом, стояла, оперевшись локтями о лобовое стекло и громко подпевала радио.

– Оскар, это потрясающе! Ну, привстань, привстань на секунду!

– Мелли, я за рулём.

– Ну, на секундочку! Дорога ведь прямая! Let's to fly! Around the whole sky! Let's to fly, only you and I!¹ – вторила она любимой мелодии, играющей из динамиков. Оскар при-

---

¹ Полетели! Через всё небо! Полетели! Только ты и я! (англ.)

встал и проглотил поцелуем окончание припева. Вдруг он почувствовал, что колёса больше не катятся по ровному асфальту. Быстро отстранившись, он увидел, что они съехали с шоссе и летят прямо на дерево. В последнюю секунду он вывернул руль и выскочил обратно на дорогу.

– Мелли, я так нас угроблю!

– Значит, мы умрём в один день.

– Хотелось бы, чтобы перед «умерли в один день» было «жили долго и счастливо».

– Ого! Так ты хочешь жить со мной «долго и счастливо»? Ловлю на слове, я тебя за язык не тянула! Хотя, я уже счастлива...

Они долго колесили по прибрежным трассам Лонг-Айленда, пока не выехали к пустынному галечному пляжу. Это было очень уютное и красивое местечко для пикника, но Мел долго отказывалась спускаться к воде: она ненавидела ходить по гальке, да и её босоножки на шпильках были не самой подходящей обувью для таких прогулок, но, в конце концов, Оскар решил проблему кардинально, взяв Мел на руки и усадив на огромный валун. Здесь они провели весь остаток дня, перекусывая сэндвичами, купленными по дороге и кидая камешки в море на дальность. Под конец, Оскар решил попробовать температуру воды, и, сняв ботинки и закатав брюки, пошёл в море.

– Оскар, стой! Ну что ты делаешь?! Ты прямо как ребёнок! – Мел вскочила с камня и попыталась побежать за ним, но подвернула ногу.

– А ты – старушка! Иди сюда! Вода тёплая!

– Да какая она тёплая?! Это в мае она тёплая?! Вылезай, простудишься!

– Не брюзжи, бабуля! – Оскар мигом подлетел к ней и, подхватив на руки, понёс к воде.

– Пусти! Оскар, ты – дурак! Пусти сейчас же! – вопила Мел и отчаянно брыкалась.

– Сейчас отпущу! – Оскар размахнулся, как будто хотел бросить её в воду.

– Нет! – она вцепилась в его рубашку и спрятала лицо.

– Ты что, правда, боишься? Плавать не умеешь?

– Нет, умею. Холодную воду не люблю.

– Да вода классная, сейчас увидишь! – он закружился на месте.

– Хватит! Не смешно!

– Ладно, пойдём на берег, – Оскар развернулся и пошёл обратно к валуну, но неожиданно сзади накатила большая волна, он поскользнулся на каменистом дне и рухнул вместе с Мел в воду. Судорожно карабкаясь, чтобы не накрыла следующая волна, они выбрались на берег и хором захохотали.

– Не убивай меня!

– Не жди пощады! – Мел пихнула его кулаком в бок.

– Эй, больно! Было же не страшно. И весело.

– Очень! Ты испортил мне брюки и босоножки! Как я вернусь домой в таком виде?!

– Я тоже не поеду домой в мокрых штанах. Лежим и сохнем.

– И долго нам так лежать?!

– Мелли, чего тебе не нравится? – он смотрел на солнце прищуренными глазами, – Отпусти себя, ведь всё так классно! Мы лежим на пляже, ничего не делаем, нам никуда не надо, солнышко светит, камешки тёплые – красота! И ты смеялась.

– Над тобой. Ты так на меня посмотрел, как будто я тебя, по меньшей мере, четвертую. Хватит шуриться, может ты, всё-таки купишь солнцезащитные очки?!

– Я не ношу очки. Терпеть их не могу.

– Почему?!

– Но ты же не любишь холодную воду. А я не люблю очки. Противно когда перед глазами что-то мешается.

На обратном пути Оскар пытался научить Мел водить машину, и, порядком помучив и себя, и Бьюик, она проехала несколько километров, но пришла к выводу, что на этом «круизном лайнере» ездить не в состоянии.

Яркое солнце расплавленным золотом плескалось на стеклянных фасадах раскинувшегося у подножия холма города и весёлыми бликами скакало по мелким волнам спокойного залива. Они остановились на вершине и долго смотрели вниз. Ни он, ни она даже не подозревали, что родной, надоевший до скрежета в зубах, серый, вечно спешащий, тесный, задымлённый выхлопами Нью-Йорк со стороны может казаться таким прекрасным.

– Оскар, это просто необыкновенно!

– Уже поздно, пора возвращаться.

– Так не хочется! Давай не поедem домой?

– А куда же мы денемся?

– Сбежим!

– Нет, как это сбежим? Так всё бросим и сбежим?

– А что тебя держит?

– Как что, ну скажем работа... да и долги надо отдать. А, впрочем... ты, кажется права. Как может держать работа в охране гипермаркета? А деньги можно перевести на счёт.

– Вот именно! И меня ничего не держит.

– Как это? А твоя мама, а школа?

– Маме я позвоню. Потом. Мы всё равно уже неделю в ссоре. А школа... занятия, экзамены, послезавтра тест по истории... слушай, а тебе очень важно, чтобы я была образованная?

– Я не твой работодатель, мне важно то, что тебе самой важно.

– Я знаю, учиться надо, но разве чтобы быть образованным обязательно ходить в школу?

– Тогда ты не поступишь в колледж.

– Оскар, я и так не поступлю! Как можно куда-то поступить, если ты всеми фибрами против?

– Ты можешь испортить себе всю жизнь. Это моя вина, – он быстрым шагом вернулся к машине и сел за руль.

– Ты что, наслушался мою маму? – она села рядом, громко хлопнув при этом дверью, – Жизнь это не бифштекс, её нельзя испортить. Но даже если и так, то всегда найдётся какой-нибудь майонез и всё исправит. Надоело жить «как положено», хочу сделать что-нибудь сумасшедшее, перевернуть обычную жизнь с ног на голову, пройтись по лезвию ножа! Сыграть в русскую рулетку, что ли?

– У меня нет револьвера. А этим не получится, – он достал спрятанный сбоку под сиденьем увесистый SIG-Sauer P226.

– Это что?! Откуда у тебя? Ты что всегда возишь с собой пистолет?!

– Мелли, Мелли, не паникуй! Это так сказать, память о ФБР.

– А разве вы не должны возвращать оружие?

– Должны. У каждого агента всегда минимум два пистолета. Один получаешь, другой покупаешь сам. Этот мой. Но для твоей русской рулетки всё равно не годится.

– А для чего годится?

– Застрелиться или застрелить. Но это в мои планы не входит. Хотя... одного бы человека я застрелил...

– Это кого же?

– Вон видишь светиться вывеска банка American Way?

– И что?

– Именно у них я брал кредит на открытие своего дела. Оставался последний взнос. Но к несчастью их генеральным директором оказался Эван Сайлачек. Он провернул одну

аферу и увёл не только моё дело, но и мою жену. Вот бы кто его ограбил! Тогда бы он понял, что значит быть тряпкой, о которую вытерли ноги.

– Может, этот кто-то будем мы?

– То есть? Ограбим банк? Ты совсем с ума сошла?

– Да почему? Ты же сам сказал, что нам нечего терять. Кроме друг друга. А я хочу быть с тобой. Я не хочу больше расставаться и идти домой, мне хорошо только с тобой. Мы можем сбежать. Но нас все равно будут искать. Мама наверняка заявит в полицию. Но мы можем сбежать с деньгами.

– Мелли, ты хоть понимаешь, что ты предлагаешь?! Ты думаешь, это так просто?!

– А если отпустить себя? Как ты говорил. Совсем? Сделать, то, что именно тебе хочется. Не то что можно, а то, что хочется? Вернуть себе свою свободу. Мы ведь на мосту искали как раз свободу. А она у нас, на самом деле и так есть потому что нам нечего терять! – Мел смотрела на него восхищенными, горящими энтузиазмом глазами. Смотрела взглядом гипнотизера-проповедника. Она уверовала в свою идею. Вот она простая формула яркой жизни: делай что хочешь вместе с тем, с кем хочешь. И у Оскара не было никаких ресурсов сопротивляться этому взгляду, ведь он уже давно знал, что на самом деле, помани она его в горящий дом он безропотно туда пойдет. Ведь для неё он хочет быть самым лучшим, самым смелым, самым красивым, самым весёлым, самым крутым. Ведь он должен её привлекать, привлекать больше ровесников, больше чем этот Майкл или Мик или как его там. Она не должна сомневаться в нем, не должна сомневаться в его любви.

– Мелли, господи, что ты со мной делаешь! Хотя... пистолет есть... достань-ка из-под сиденья аптечку. Замечательно! – он нашёл упаковку с одноразовой маской, – Посмотри в бардачке, там должна быть бейсболка. Так, ещё что? Перчатки... где бы найти перчатки? Хорошо бы найти резиновые! Да зачем они, шрамов и татуировок нет, руки как руки. Хвататься не за что не буду.

– А дверь как откроешь?

– Дверь... точно!

– А давай одну руку тебе забинтуем?

– Вариант. И к тому же ложная примета.

– А что буду делать я?

– Сидеть в машине.

– Ну, уж нет! Это я придумала.

– Тогда ты будешь заложницей, на всякий случай, чтобы беспрепятственно покинуть банк. У тебя большая сумка, это хорошо. Вытряхни оттуда книги. Очки не снимай. А волосы убри в хвост. Нас запомнят по одежде. По-моему, в багажнике должна с марта валяться куртка, а для тебя нужно что-нибудь купить, так что сначала заедем в магазин, а пока слушай инструкцию...

VI

– Здравствуйте, я могу вам помочь? – девушка за высокой конторкой мило улыбнулась и печально взглянула на часы. Как жаль, что их банк один из немногих, которые принимают клиентов до пяти вечера. Оставалось только поправить голубой платочек на шее, одёрнуть форменную синюю жилетку с логотипом банка American Way и продолжить работу. А так хотелось в пятницу вечером уйти хоть на пять минут пораньше!

– Да... пожалуй, – посетительница облокотилась на конторку и машинально пробарабанила какую-то мелодию ногтями по идеально гладкой столешнице.

– У меня в последнее время стали возникать проблемы с карточкой. Она перестала читаться.

– Как давно вы оформили карту?

– Ой, я и не вспомню... давно, я думаю очень давно.

– Возможно, она размагнитилась. Давайте посмотрим.

– Сейчас, одну минутку, – она начала рыться в сумочке.

В этот момент распахнулась дверь, и в зал влетел человек в красной бейсболке и медицинской маске.

– Не двигаться! Всем на пол! Это ограбление! – он направил пистолет на испуганную девушку за конторкой. Охранник, стоявший рядом с дверью, медленно потянулся за своим пистолетом, но грабитель мгновенно перевёл дуло на него.

– Я сказал, не двигаться! – он поднял девушку с пола за шиворот и, придушив локтем, приставил пистолет к её голове.

– Оружие на пол! Или я вышибу ей мозги! Быстрее! – охранник послушался.

– Пистолет ко мне! И на пол! Руки за голову! – он вырвал из рук заложницы сумку и швырнул её менеджеру банка.

– Деньги сюда! Все! Шевелись!

– Все д-деньги в хра-анилище... Я не могу...

– Я сейчас всех прикончу! Открывай своё хранилище!

– Я не могу... Б-без главного менеджера туда нельзя, у нас п-правила.

– Какое мне дело до вашего менеджера! Я убью её!

– Пожааалуйста... – простонала заложница.

– Считаю до трёх! Раз! – заложница зажмурилась и жалобно застонала.

– Х-хорошо, сейчас.

– Быстро! – подгоняемая криком, менеджер достала электронный ключ и открыла небольшую сейфовую комнату, которая называлась в этом банке «хранилище». Это хранилище было настолько маленьким, что девушке не удалось и на секунду скрыться от бдительного взора грабителя.

– Возьми! – приказал он заложнице, когда менеджер вернулась с набитой купюрами сумкой. Преступник отступил к двери, обвёл всех пистолетом.

– Не двигаться! Она пойдёт со мной! Не смей вызывать полицию, замечу копов – пристрелю её!

Быстро пятясь, они завернули за угол здания банка, и только там он её отпустил. Они прыгнули в удобно оставленную машину и резко газанув, вылетели с парковки гипермаркета на пешеходную дорожку, а с неё уже на трассу и помчались прочь из города, к границе штата.

– Оскар, что ты опять делаешь! Тут пешеходная дорожка! Пе-ше-ход-на-я! Въезд и выезд с другой, понимаешь, с другой стороны!

– Конечно, и камеры тоже с другой стороны. А этот угол у них совсем не просматривается.

– Ты знал, где у них камеры?!

– Конечно, иначе я бы и не связывался с этой парковкой.

– Но откуда?

– Во-первых, я же их и ставил. То есть моя фирма. Во-вторых, я их предупреждал, что этот угол останется слепым, но они решили сэкономить. А в-третьих, я здесь работаю, как раз в охране. То есть работал, потому что завтра меня уволят за прогул.

– Мне иногда кажется, что ты этим всю жизнь промышлял. А всё-таки тяжёлый этот миллион!

– Если там миллион, то сумка весит не меньше десяти килограммов. А с чего ты взяла, что там миллион?

– Смотри, как она набита! Там меньше быть не может.

– Я скажу, зря тебя не взяли в сериал, ты бесподобная актриса!

– А то! И ты тоже был хорош.

– Но с твоим «пожаалуиста...» ничего не сравниться. Не думал, что ты на такое способна!

– Ты думаешь, они реально не будут в полицию звонить?

– Конечно, будут!

– Зачем же ты сказал, чтоб не звонили?

– А надо было сказать, «не забудьте сообщить в полицию»? Нам ещё повезло, что эта дурочка тревожную кнопку не нажала, и что там людей не было. Они просто немножко помешкают, посомневаются, что нам и надо. А что ты сидишь? Размотай мне бинт, и переодевайся, давай, мало ли на какой пост нарвёмся. Вдруг они оказались не такими дураками и ориентировки на нас уже разосланы!

– Прямо здесь?

– А где? Я не буду смотреть, и крышу подниму. И, кстати, машину надо будет перекрасить.

– А не жалко?

– У неё всё равно краска не родная, а я давно хотел сделать какой-нибудь рисунок. И кому придёт в голову, что грабители банка разъезжают на расписанном Бьюике! С ума сойти, мы с тобой – грабители! Представляешь?!

– Мы – грабители!

Это было упоительное чувство. Первый в жизни глоток свободы или даже вседозволенности, первый шаг против доселе свято исполняемых норм и правил, который, слава Богу, мало кто решается сделать. Они его сделали. Они оторвались от серой бытности, ежедневной рутины. Спасительной формулы жизни, исповедуемой миллионами современных людей, заключённой в успешной карьере и благополучной семье, для них больше не существовало. Они были счастливы. Они не считали себя в чём-то виновными, они восстановили справедливость. Нет, Оскар не представлял себя Робин Гудом, грабящим богатых в пользу бедных, он грабил исключительно в свою пользу, но полагал, что имеет на это полное моральное право и не испытывал никаких угрызений совести, ведь его поступок, как ему казалось, не причинил зла никому, кроме Сайлачека. Первое преступление – как первая сигарета: или испытаешь отвращение и заречёшься навсегда или увязнешь на всю оставшуюся жизнь. Ни Оскар, ни Мелисса не испытали отвращения. Они вкусили кураж, и, вдавив в пол педаль газа, ушли в отрыв. Собственное будущее заботило их меньше всего, вполне достаточно было того, что они есть друг у друга, есть сейчас, сию секунду, но они даже не могли предположить, что последствия этого ограбления самым печальным образом могут сказаться не только на их судьбах, но и на судьбах многих других людей.

– Звони быстрее в полицию!

– А если он её убьёт?

– Кейт, он не узнает! Ничего он с ней не сделает. Может, он уже отпустил её. Или ты хочешь, чтобы в краже обвинили нас?

– Том, не кричи, пожалуйста.

– Как не кричи! Почему ты не нажала на тревожную кнопку?

– Я испугалась, – Кейт разразилась слезами.

– Кейт, только не плачь! Ну, извини! Хочешь, я сам позвоню?

– Сколько было грабителей?

– О-один, – всхлипывая, отвечала Кейт.

– Вы можете его описать?

– Высокий. Достаточно высокий. Как Том. В красной бейсболке. И одет в куртку, такую странную куртку, сейчас жарко в такой ходить, синюю или зелёную, точно не помню. На лице маска. Белая.

– Белая?

– Да, сержант. Белая медицинская маска, а куртка тёмно-синяя, – подтвердил Том.

– И он левша, – неожиданно добавила Кейт. Охранник Том и полицейский посмотрели на неё с недоумением.

– Почему вы так решили?

– Он пистолет держал в левой руке. А правой держал ту девушку.

– Кстати, он ранен в правую руку!

– Вы в него стреляли? Он же отобрал у вас оружие!

– Нет. У него рука забинтована была. Сильно забинтована. Вся кисть и до локтя, даже рукав куртки был закатан, но двигал он ею достаточно свободно.

– Ну, хоть что-то. Я полагаю фоторобот грабителя получиться не очень. Но всё равно составим. А как выглядела заложница?

– Её я тоже плохо помню. У неё были большие солнцезащитные очки. Стройная. Ростом маленькая, ниже меня. Одета была в белую блузку, бежевые брюки и сумка у неё была большая кожаная бежевая, в неё я и сложила деньги.

– А волосы, какого цвета?

– Не помню, вроде не очень тёмные. Они были в хвост убраны.

– Может, вспомните какие особые приметы? Родинки, шрамы, татуировки?

– Нет, ничего такого. Разве что ногти. Очень длинные, красивые ногти. Она барабанила ногтями по стойке, и я как раз подумала, что и мне пора маникюр сделать.

– Это нам вряд ли поможет. По какому поводу она пришла в банк?

– У неё не читалась кредитка.

– Вы видели карточку? Знаете её имя или когда она открыла счёт?

– Нет. Кажется, она сказала, что давно карту оформила. Раньше я её никогда не видела. Но она же могла оформить карту в любом другом отделении, да и я здесь только второй месяц работаю.

– Потрясающе! Личность заложницы мы тоже установить не можем. Вы хотя бы видели, как они скрылись?

– Они вышли из здания, больше я ничего не видела.

– Я тоже не видел.

– Что ж, вы свободны. А нам ещё с вашим руководством беседовать. Что-то долго они едут! И пусть нам уже кто-нибудь предоставит записи с видеокamer!

VII

Небо медленно, но верно заволакивалось чёрными клубастыми тучами, а дорога по-прежнему была пустынна. Оскар старался сворачивать с крупных федеральных трасс и, в конце концов, перестал представлять, куда едет, хотя и не решался признаться в этом Мел. На пути им попало несколько мотелей, но он хотел максимально удалиться от Нью-Йорка и опрометчиво решил, что они и дальше без труда найдут жильё. А между тем, более получаса им на глаза не попадалось ничего кроме полей и редких селений на горизонте. Первые капли уже ударились о мягкую крышу Бьюика, когда Мел заметила несколько поодаль от дороги какое-то строение...

...Дверь старого заброшенного амбара поддавалась с трудом. Мел и Оскару пришлось втискиваться через узкую щель. Внутри не оказалось ничего, кроме дощатого пола, заброшенного некоторыми остатками зерна и сена, одна стена была покрыта мхом и плесенью, пахло сыростью. Дождевые капли бодро прыгали по крыше, и в обугленном углу, где она была провалена, уже собралась небольшая лужица. По всему было видно, что когда-то здесь была ферма, где случился пожар, в котором уцелел только этот амбар, и хозяева здесь не появлялись, по крайней мере, лет двадцать.

Оскар швырнул на пол сумку. Та открылась, и из неё высыпались пачки купюр.

– Как здорово! – Мел подбежала, подкинула вверх несколько пачек, половина рассыпалась денежным дождём, часть она поймала и повисла на шее Оскара. Он приподнял её за талию и закружил... Нежный, едва уловимый запах её рассыпанных по плечам волос закружился следом, наполнил лёгкие и со скоростью света разнёсся кровью по всему организму, совершенно парализовав мозговую деятельность. Он видел, слышал, чувствовал только её. Перед глазами мелькнула пышная юбка в салатových цветах... волнующая, женственная грудь, поддерживаемая двумя широкими атласными бретелями, завязанными на шее в пышный бант, была так близко что нельзя было удержаться от того чтобы прислониться щекой к её бархатной коже, нежно поцеловать в основание шеи и жадно в губы, а потом не отпускать, не отпускать ни на секунду. Он держал её одной рукой, второй медленно потянул длинную ленту, её пальцы зарылись в его волосах. Целуя, он нежно положил Мел на спину, на разбросные купюры, рука потянулась к банту на поясе... Эти банты невероятно раздражали его всю дорогу, он никак не мог отделаться от желания распустить их, но сейчас, когда была такая возможность, что-то вдруг его остановило, уродливая реальность прорвала дурман, он отпрянул и как-то испуганно, поспешно сел рядом.

– Прости, Мелли. Я не должен был этого делать, – она ощутила укол обиды. Сначала она тоже сомневалась и боялась, это был для неё слишком серьёзный шаг, но его поцелуи были столь красноречивы, что не оставили ей выбора. Она впервые почувствовала себя женщиной, женщиной желанной и желающей, почувствовала необходимость раствориться в любимом, стать его частью, стать целым, с единым дыханием, единым сердцебиением. И вдруг её, мягкую как теплое масло, способную только изредка отвечать на поцелуи, резко отталкивают.

– Почему? – удивлённо округлив глаза, спросила Мел, и, протянув руку, потрепала его по щеке.

– Я люблю тебя, – он поймал её запястье и с нежностью поцеловал, – Слишком люблю, обожаю. Это что-то невероятное, я не знал, что смогу так полюбить. Но... Ты мне в дочери годишься!

– Так не во внучки же! И я люблю тебя, – он притянул её за руку к себе, а она в ответ увлекла его обратно на ворох денежных купюр. Она никогда раньше об этом не задумывалась, но тут поняла совершенно отчётливо, сделав в своей жизни первое замечательное открытие:

она способна соблазнять, способна сознательно вызывать желание, она самая настоящая женщина!

– Может быть, ты боишься? Это незаконно.

– Позволь заметить, это не первое моё преступление. Причём за сегодня. Рядом с тобой мне хочется совершать безумства. Ты самое дорогое, что у меня есть, – он зажёб рассыпанные купюры и высыпал их на Мел.

– Что ты делаешь?

– Купаю тебя в деньгах. Я об этом всю жизнь мечтал.

– Повалиться на портретах Франклина?

– Нет, стать самым богатым человеком. У меня есть абсолютно всё – мне больше ничего не нужно, и есть куча денег. Я не знаю, куда её деть и купаю в них самую любимую на свете женщину, самую дорогую, много дороже всех денег мира...

Вторым замечательным открытием было то, что они самая идеальная на свете пара.

...Оскар открыл глаза и увидел мирно посапывающую голову Мел у себя на груди. Она почти целиком лежала на нём, он одной рукой прижимал её обнажённые плечи. Другой рукой он зажёб несколько валявшихся рядом купюр и провёл ими по круглому белому бедру. Мел зашевелилась и сладко причмокнула губами. Ему не хотелось её будить, но удержаться он не смог и нежно поцеловал припухлые губки. Они тут же растянулись в блаженной улыбке, и, перевернувшись на спину, она едва приоткрыла глаза и тут же опустила ресницы, продолжая его целовать...

– Мелли, моя Мелли, – прошептал Оскар ей в ухо, ласково поглаживая её шелковистые волосы. Теперь она лежала рядом, и он легонько щекотал её свёрнутой в трубочку банкнотой.

– Что? – она едва приоткрыла глаза.

– Я тебя люблю. Я не знал, что я так тебя люблю.

– Что значит, не знал?

– Ещё вчера я не знал, что толкает меня делать всё то, что я делаю. Сейчас я понял. Я не уверен, что именно это называется любовью, это слово слишком часто употребляется, чтобы иметь точное определение, поэтому я не знаю, как правильней назвать то, что я к тебе испытываю. Ты нужна мне, постоянно, всегда, ежесекундно, как нужен воздух и нужна вода. Или ещё больше. Я обожаю тебя абсолютно, каждую клеточку твоего тела, каждый вздох, каждый волосок на головке. Я хочу поцеловать их все, по одному, вот так, – он отделил один волос от всех остальных и поднёс к губам, – что ты чувствуешь?

– То, что ты дёргаешь меня за волосы.

– Меня с ума сводит аромат твоего тела, твоих волос! Я теперь прекрасно понимаю Парфюмера.

– Хочешь меня убить?

– Нет, хочу оставить тебя себе. Навсегда. Не только запах, а всю целиком.

– Я и так твоя. Только твоя. Навсегда.

– Мне так хорошо с тобой, что даже не хочется никуда идти! – он прижался носом к её тёплой щеке. Воздух в амбаре за ночь совсем остыл, а они ничуть не замёрзли.

– А нам никуда и не надо, – шепнула она. Тут его взгляд зацепился за небрежно валяющийся на полу пистолет. Память о ФБР... орудие преступления... в голове мгновенно промелькнули заученные, как «отче наш», слова инструкций по поимке беглых преступников.

– Как это? – он нашарил рукой свои часы, валявшиеся где-то под деньгами и одеждой, – два часа! – мгновенно переполошился он.

– Подумаешь...

– Мелли, ты, кажется, забыла, мы в бегах! – Оскар резко сел, – Ты хоть знаешь, что такое скрываться от полиции? За тобой когда-нибудь гонялись?

– Нет.

– За мной тоже! Но я знаю, как они работают. Они уже давно могли нас вычислить! Ты думаешь много черных Бьюиков [LeSabre](#) шестьдесят третьего года? Кстати, сегодня же отвезём её в покраску.

– Не психуй! Машину никто не видел.

– Я не психую. Просто нам нельзя сейчас прохладиться.

– И какие у тебя планы?

– Драпать, и как можно дальше!

– Успокойся, любимый! – она тоже села, обняла его сзади за плечи и поцеловала за ухом, – А всё-таки классно мы всех уделали! Тебя жена считала неудачником, меня все называли мечтательной душой. А попробовали бы они так! Кишка тонка, а мы счастливы.

– Мелли, для меня счастье это больше, чем просыпаться с голой девушкой в два раза младше меня в заброшенном амбаре и на куче ворованных денег!

– Так вот как ты заговорил? Я только это для тебя и значу? – она моментально от него отлепилась и схватилась за платье, – Ещё пять минут назад я была очень тебе нужна!

– Нужна. Ты даже не представляешь, как. Ты спасла мне жизнь и забрала её себе. Я слишком тебя люблю и хочу сделать твою жизнь действительно необыкновенной.

– Это просто красивые слова! Не оправдывайся. Мне и такой жизни хватит, если ты будешь меня любить.

– Не верю. Ещё пара таких ночёвок и ты меня бросишь, так что нам надо успеть добраться до какого-нибудь мотеля. Следующую ночь я собираюсь провести по-человечески, в постели. Мелли, мы можем получить всё, что ни пожелаем, у нас ведь есть целый миллион. Ты только вдумайся в это: у нас есть миллион! – произнёс он почти по слогам, как будто она могла не понимать, что такое миллион.

– Да, у нас есть миллион... у нас есть миллион... слушай, и правда, у нас есть миллион!

«Абонент временно не доступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее...» Ванесса не могла спать. Конечно, к выходкам Мелиссы ей было не привыкать, но ещё ни разу она не ночевала вне дома. Бывало, что она возвращалась домой и в час ночи, но возвращалась! Самым пугающим было то, что Мел ничего с собой не взяла. Абсолютно ничего, даже самого необходимого, даже одежду и косметику, да что там, она оставила все свои сбережения. Ванесса в сотый, тысячный раз набрала номер дочери. Ничего не изменилось: «Абонент не доступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее» – отвечал равнодушный механический голос в трубке. К полуночи Ванесса уже сбилась со счёта. Ещё вечером она обзвонила друзей Мел, но у неё были номера лишь Энн, Джесс и Майкла. Все трое утверждали, что Мел из школы вышла вместе со всеми. Майкл ответил весьма грубо, что его не касается, где по вечерам находится Мелисса, Джесс усмехнулась и сказала, что она не знает больше других, Энн несколько замямлась, и на вопрос, что делала Мел после занятий, случайно обмолвилась, что она сразу уехала. Ванесса зацепилась за эту фразу:

– Как это уехала?

– Так... Просто уехала... – Энн уже сообразила, что сболтнула лишнего, но и молчать не считала возможным.

– Энн! Говори, как она могла уехать? Она всегда ходит пешком до дома! Она что-нибудь сказала? – Ванесса уже теряла терпение.

– Ничего, мэ. Села в машину и уехала.

– В какую машину? С кем? Энн, пожалуйста!

– Я не знаю! – крикнула Энн чуть не плача. Она прекрасно понимала, что мама Мел волнуется, но и не могла отделаться от мысли, что предаёт подругу.

– Энн, постарайся.

– Чёрная машина, большая. А кто приехал, я плохо видела. Какой-то мужчина. Я подумала, что это её отец или родственник, – Энн всё-таки решила смолчать об Оскаре и о поцелуе. Она подумала, что мама Мел может о нём и не знать, и не стоит её пугать ещё больше.

– Спасибо, – только и ответила Ванесса. Она прекрасно поняла, с кем уехала её дочь, но не поняла, успокоила ли её эта информация или нет. С одной стороны, она убедилась, что с Мел не случилось никакого несчастья, с другой – она не знала, ни есть ли это самое большое из возможных несчастий. Она решила подождать. Если до утра дочь не вернётся, то она обратится в полицию. Заснуть она так и не смогла.

Вечером следующего дня Мел и Оскар уже расположились в мотеле. По дороге они закупили множество необходимых вещей, и Оскар занимался удобным их размещением в новом чемодане, а Мел, от нечего делать взялась за свой телефон. Оказалось, что он разрядился и выключился. Включив его, она обнаружила двадцать семь звонков от мамы.

– Оскар, что мне делать? – спросила она испуганно и немного задумчиво.

– Что, Мелли?

– Мама звонила. Смотри! И даже Энн два раза.

– Их можно понять, волнуются.

– Мы же поссорились. Я думала она и не побеспокоиться.

– Мелли, мама есть мама. Она не может не побеспокоиться. Слушай, только не обижайся и не кричи сразу. Мы тогда порядочно сдурили. Если захочешь, мы сразу вернёмся.

– Поздно уже. Ничего уже не исправишь.

– Помнишь, ты говорила, что жизнь не бифштекс, но всегда найдётся какой-нибудь майонез и всё исправит?

– И что с того?

– Всё можно исправить. Всегда. Вопрос в том, хочешь ты этого или нет?

– Я-то знаю, хочу я или нет. А ты? Ты всё время спрашиваешь, чего хочу я, а чего хочешь ты?

– Быть с тобой.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Я боюсь, что ты этого не хочешь. Всё что с нами происходит слишком невероятно.

– Дурак. Какой же ты дурак! Как можно после всего сомневаться во мне?

– Вот такой дурак тебе достался! Так что ты решила? Решать можешь только ты.

– Я напишу ей сообщение. Надо бы позвонить, но я боюсь, что или разревусь, или наговорю лишнего.

– А ты думаешь, её удовлетворит сообщение?

– Я постараюсь написать удовлетворительно.

Она написала, затем стёрла, написала вновь, несколько раз что-то меняла. В конце концов, у неё получился такой текст: «Привет! Прости меня, и не волнуйся, если можешь. Я знаю, что кругом виновата, но прошу, не ищи меня. Так надо. Со мной всё хорошо. Я счастлива. Поверь, я очень люблю тебя!» Отправив сообщение, Мел достала из мобильного сим-карту и сломала.

– Пока так. Но лучше вовсе избавиться от телефонов.

– Ты молодец, я совсем забыл.

– Кстати, твой лучше выкинуть где-нибудь подальше. Тогда если понадобится, мы сможем отрицать, что были вместе.

– Ты профессионально заметаешь следы!

– Хотя у меня есть идейка и получше...

– Странно, странно, – задумчиво повторял про себя агент ФБР Френк Уильямс, прохаживаясь от стола к столу.

– Ничего странного. Если ты о вчерашнем ограблении, то это обычный налёт, – пожал плечами его напарник, агент Джеймс Харпер и в очередной раз крутанулся на стуле. Эта привычка напарника всегда необыкновенно раздражала Френка, но сейчас он ни на что, кроме ограбления, не обращал внимания.

– На моей памяти ещё никто не прятал лицо под медицинской маской! – Френк, по обыкновению, эмоционально, рассуждал вслух.

– А что, дешёво и сердито. Даже можно спокойно по улице пройтись. Типа я, такой, вирусов боюсь.

– А сумка? Почему он не предусмотрел, куда складывать деньги, а взял сумку заложницы? А если бы её там не оказалось? Это случилось перед самым закрытием. Или вдруг у неё была бы маленькая сумочка?

– Он бы приказал найти какой-нибудь пакет.

– Возможно. Или это спонтанное ограбление? А возможно, что он знал, что заложница будет в банке и именно с большой сумкой.

– Ты имеешь в виду, что они были в сговоре? Да брось, и охранник и менеджер говорят, что она жутко перепугалась.

– Но возможно, что он её преследовал, или он просто знал её, или вообще ограбление это так сказать побочный эффект, а основное преступление – это похищение.

– Звучит невероятно, но сейчас ничего исключать нельзя.

– Грабитель левша. Это хорошо, это примета.

– Ты хоть знаешь, сколько в стране левшей?

– Нет.

– Вот именно! Это такая же примета, как скажем, рыжие волосы или кривые зубы. Таких людей миллионы. И потом, может он правша, у него же больна правая рука, вот и пользуется левой.

– Возможно. Кстати, надо проверить по больницам, обращался кто с травмами правой руки за последнюю неделю.

– Френк, ты пораскинь мозгами, хоть иногда! То левшу тебе найди, то больницы обзвони! Да у нас, таким образом, будет около тысячи подозреваемых, и то самое меньшее! А если он сам забинтовал руку и не обращался к врачу? А если он обратился к частному врачу или вообще к знакомому, может даже отстранённому от практики или студенту медицинского факультета? Ищи иголку в стоге сена, дружище Джеймс, у неё есть примета: она серого цвета!

– Не кипятись! А что у нас есть? Давай хотя бы подумаем, что у него могло быть с рукой? Явно не перелом, они бы сказали, что он был в гипсе. И работал он ей свободно. Значит, вряд ли огнестрел. Порез точно отпадает, это как же надо постараться, чтобы порезаться от локтя до ладони. Хотя, и не такое бывает. Ушиб?

– Ожог лучше всего подходит. Сейчас ты скажешь перетрясти аптеки, не покупал ли кто мазь от ожогов и собрать информацию обо всех недавних пожарах.

– Неплохо бы. Но он ведь мог и кипятком обвариться!

– Да, неужели?!

– Харпер, прекрати! Я пытаюсь хоть как-то работать над делом! Вот что нам это всё даёт?

– Вот именно! Френк, мы рассуждаем не о чём, строим пустые догадки. Лучше расскажи, что там с записями с камер наблюдения?

– Ничего. Его лицо всегда закрыто козырьком бейсболки, её видно в вполоборота, и то кадр нечёткий. С наружных и того меньше, он сначала выходит из-за угла, потом скрывается там же с заложницей.

– А что за этим углом?

– Огромная парковка гипермаркета.

– Понятно, свидетелей нет. А камеры? У гипермаркетов должны быть камеры!

– Я тоже об этом подумал. Ничего. Но на парковке есть один слепой угол и туда как раз подходит асфальтированная пешеходная дорожка, довольно широкая, но он всё-таки проехался одним колесом по газону, точнее, по будущему газону и у нас есть снимок протектора, а, следовательно, и марка шин.

– Только не говори мне отследить все машины с такими шинами!

– Но это уже что-то! Хотя, ерунда, он всё равно скоро сменит машину. Ты говорил с кем-нибудь из руководства банка?

– Да. Побеседовал с главным менеджером и даже с владельцем.

– И как?

– Главный менеджер – Чарли Дэвис ушёл за десять минут до налёта. У них был запасной ключ от хранилища. Вообще безопасность банка так себе, но и суммы-то у них не бог весть какие.

– Что можешь сказать о владельце?

– Ничего особенного. Эван Сайлачек был только на открытии этого отделения. У него семнадцать банков, четыре – в Нью-Йорке. До этого ни один не грабили. Мотив личной мести он считает не состоятельным. Сейчас кризис многих пришлось уволить, многим пришлось отдать своё имущество банку за долги. Но так во всех банках, а он никому особенно не мешал.

– Надо проверить всех уволенных и разорившихся. А сам он не заинтересован?

– Обокрасть себя? Зачем? Хотя я в финансовых вопросах не силен. Но до банкротства ему далеко.

– А страховка?

– Я проверил. Выплаты не очень большие, а рисков тьма. Я думаю это просто случайное разбойное нападение. Зачем только это дело в ФБР передали?

– Затем, Джеймс, что вряд ли грабитель остался в Нью-Йорке!

...В маленькой комнате на последнем этаже в самой захудалой южной части Бронкса даже в полдень было темно из-за невымытых много лет окон. Впрочем, это было неплохо, потому что в потёмках полнейшее запустение этого помещения выглядело не так отвратительно. Когда-то вполне милые бумажные обои в розовый цветочек стали грязными и местами отходили от стен, покрывшись жёлтыми подтёками, с потолка сыпалась штукатурка, разнопёрый линолеум отдирался клоками. Мебели почти не было: под окном стояла железная кровать с рваным матрасом и тощей засаленной подушкой, а посередине громоздилось бордовое кресло с продранными подлокотниками, вокруг которого были разбросаны пустые банки из-под пива и грязные тарелки с остатками какой-то пиццы. Напротив кресла была приткнута к стене расцарапанная жёлтая тумбочка, а на ней устроился допотопный телевизор.

По телевизору снова показали сюжет об ограблении банка, и он опять его смотрел. С того момента, как он впервые увидел этот сюжет, он не отходил от экрана, всё ждал новых сообщений об ограблении. Об этом потрясающем, чудесном, великолепном, виртуозном ограблении! Это было невероятно, он не знал, что такое можно придумать. Какая-то медицинская маска, как просто и как великолепно! Это ограбление было гениально, как полотно Рембрандта, как музыка Моцарта, как трагедия Шекспира. Как жаль, что не ему пришла эта мысль в голову! Как жаль, что он даже не может разделить эту мысль с ним, его Гением,

как жаль, что он с ним не знаком, не может быть его сообщником, его помощником, его учеником, или хотя бы его слугой. Как же это было бы упоительно – ограбить банк, взять заложницу, а потом избавиться от неё. Но пока нет никаких сообщений об этом. Странно, очень странно. Не может такого быть, чтобы его Гений отпустил её. Наверное, он так всё сделал, что никто не сможет её найти... как же хочется испытать это чувство, чувство власти, обладания чем-то, кем-то... почему он не может быть рядом с его Гением?! Но кое-что он всё-таки может! Да, он может последовать за своим Гением, стать его тенью, его зеркалом, его повторением... повторением, ничуть не худшим чем оригинал... и он сделает это! Он сделает это прямо сейчас, и начнёт он не с банка, а с заложницы...

Хлипкая дверь щёлкнула замком, на лестнице загрохотали шаги... он был готов: на голове красная бейсболка, за неимением бинта, рука обмотана тряпкой, в кармане лежит маска. Он спешил. Ему не терпелось осуществить свою чудовищную идею...

VIII

Боб Тайлер, мастер по аэрографии не мог найти себе места из-за постигнутого им счастья. Маленький и круглый, он смешно бегал вокруг автомобиля, разглядывая машину с разных сторон. Ему ещё никогда не предлагали поработать со старыми автомобилями, у которых был большой капот и рельефные крылья. Сначала он даже испугался своего нового «полотна», но получив заверения, что машина уже, к сожалению, перекрашивалась, и краска не представляет ценности, с удовольствием стал показывать клиенту каталог готовых изображений, не умолкая ни на минуту.

– Сейчас особо популярна сакура и лошади. Конечно, тигры, львы, пантеры и прочие кошачьи всегда вне конкуренции, огонь – это вообще классика! Вот, посмотрите, есть вариант с синим и с красным пламенем, можно сделать только капот или только крылья, можно и то, и другое.

– Мелли, ты будешь выбирать? – Оскар растерянно перебирал фотографии.

– Я? Твоя машина, ты и выбирай что нравится.

– Нет, так сказать, конечно, проще всего, а я в конец запутался. Помогай!

– Давайте сделаем огонь – беспроегранный вариант! – настаивал Боб.

– А? Ты как?

– Оскар, не смей! Что угодно, я даже тигра и лошадь стерплю, только не огонь.

– А как вам дельфины? Вот тут такое море оно даже немного двери захватывает, а на капоте прыгают дельфины! Прыгают, прыгают, и брызги летят, брызги! – художник Боб Тайлер даже принялся делать характерные телодвижения, дабы показать, как прыгают дельфины и летят брызги. Оскар смерил его удивлённым взглядом, и Боб несколько смущённо добавил:

– По-моему, очень красиво.

– Дельфины конечно хороши, только, по-моему, это получится аквариум на колёсах, – безапелляционно заключила Мел.

– Тогда, может, обойдёмся без живности? У вас есть что-нибудь без животных?

– Есть! Специально для вас! Да-авайте сделаем вашу машину в русском стиле? – и Боб со счастливой улыбкой на пол-лица достал большое фото несчастного транспортного средства, разрисованного целиком огромными клубниками с золотыми листьями на чёрном фоне.

– Это как-то... как-то это слишком, – промямлил Оскар, с ужасом воображая, как его драгоценную машину разукрасят этими клубниками.

– А у вас есть что-нибудь нейтральное? Какой-нибудь вид, закат, рассвет, здание? – пришла на помощь Мел.

– Закат есть, и вид на Бруклинский мост, – ответил Боб с явным разочарованием.

– Как же я раньше не подумал! Мелли, Бруклинский мост, наш мост!

– Наш первый поцелуй... конечно! Это именно то, что нам нужно.

– Вы могли бы изобразить наши фигуры на Бруклинском мосту на фоне заката?

– В принципе, да. Только это не из каталога, поэтому будет дороже и дольше.

– Это не имеет значения.

Оставив машину в мастерской Боба Тайлера на окраине Мемфиса, Мелисса и Оскар взяли в прокат старенький Форд и отправились на вокзал, избавляться от телефона Оскара. На пути в Мемфис они успели выбросить из окна мобильник Мел и купить два новых, с номерами отличными в одну цифру. Ближайший поезд отходил через пять минут, уже заканчивалась посадка.

– Мелли, ты уверена, что это нужно?

– Конечно! Если твой номер станут отслеживать, ты на пути в Лос-Анджелес, и меня с тобой нет. У нас будет время.

– Может, лучше я?

– Я же не безрукая, сама справлюсь. Жди здесь, – она побежала к концу поезда. У предпоследнего вагона она резко остановилась, схватила за руку проводника и быстро затараторила сбивающимся голосом:

– Сэр, пожалуйста, пустите меня в вагон! Всего на пару минут, мне очень надо. Там мой жених, он уезжает на год, а вчера мы поссорились и мне надо, очень надо его увидеть! Пожалуйста!

– Не положено. Поезд сейчас отправляется и провожающим уже нельзя в нём находиться.

– У меня есть десять долларов!

– Хорошо, только быстро.

– Спасибо! – она впрыгнула в вагон и самым нахальным образом открыла дверь первого купе.

– А вот и я! – с весёлой улыбкой произнесла она и, заметив в купе ошарашенную семейную пару пенсионеров, тут же продолжила:

– Ой, извините, я кажется, ошиблась!

– Привет! А вот и я! – она заглянула во второе купе.

– Привет! Заходи! – неожиданно ответили ей. Там сидела компания студентов.

– Ой, кажется, мои друзья в другом купе, извините! – в третьем оказалась заперто, а вот в четвёртом никого не было, но на полке лежал рюкзак. Первоначально Мел хотела просто оставить мобильник в пустом купе, но теперь её осенила новая идея. Она открыла боковой кармашек рюкзака, в них редко что-то кладут, и на сей раз, он был пуст, засунула туда мобильник и зарядку к нему. Она решила, что хозяин рюкзака выйдет на какой-нибудь станции и куда-нибудь отправиться, а вместе с ним и мобильник, и таким образом он приобретёт реальное движение, а не просто будет мотаться в поезде. Зарядка предназначалась на случай, если хозяин рюкзака обнаружит неплохой мобильник и окажется жадноватым, то будет благополучно им пользоваться и пусть полиция сколь угодно долго принимает его за Оскара. Положив рюкзак на прежнее место, Мел приоткрыла дверь, огляделась и выскользнула из купе. Выйдя из вагона, она ещё раз поблагодарила проводника, отдала обещанную десятку, помахала рукой пустым окошечкам и невероятно гордая своей находчивостью отправилась хвалиться Оскару.

После посещения вокзала они собирались для большей конспирации найти какой-нибудь приличный мотель в небольшом городе рядом с Мемфисом и засесть там, пока не будет готова машина, но совершенно некстати в Байхейлиа Мел на глаза попала синяя вывеска банка American Way.

– Оскар, а как на счет срубить ещё один куш?

– А ты уже потратила первый?

– Денег много не бывает, такая возможность!

– Не знаю. Самое главное это вовремя остановиться, – он колебался. Их первое дело оказалось удачным из чистой случайности, они дилетанты и дважды не может одинаково повезти, но соблазн снова наступить на детище Сайлачека был слишком велик.

– Это будет всего лишь второе наше дело, не сто второе.

– Хватит меня уговаривать, бинтуй лучше.

– Только я пойду с тобой. Трюк с заложницей слишком сложен для этого захолустья. Возражения не принимаются!

– Всем оставаться на местах! Это ограбление! Деньги в пакет, живо!

– Простите, но это не возможно, – проямлил седенький старичок в синем жилете, стоявший за конторкой.

– Молчать! Пристрелю! Гони деньги!

– Ваша воля, стреляйте. Но нет ни цента, – старичок развёл руками.

– Что ты чушь несёшь!

– С сегодняшнего дня банк закрыт. Слишком мало клиентов. Час назад забрали всю оставшуюся наличность. Вы опоздали, – он виновато улыбнулся.

– Не врешь?

– Зачем мне врать. Можете посмотреть сами. Я здесь только чтобы забрать оставшуюся документацию.

– На двери, правда, висела вывеска «закрыто», – шепнула в ухо налётчику девушка, стоявшая за его спиной. Он несколько стушевался, но потом произнёс:

– Давайте так, мы уходим, а вы нас не видели. Идёт? Извините за беспокойство.

– Какой же я олух, идиот, тупица! – Оскар метался из угла в угол маленького номера. Мел валялась поперёк широкой постели, невозмутимо потягиваясь.

– Хватит! Что такого собственно случилось? – она резко села.

– Нет, ничего не случилось! Мы всего лишь облажались по полной! Завязывать, надо завязывать. Я не собираюсь изображать с тобой Бонни и Клайда!

– Кого-кого изображать?

– Ты не знаешь, кто такие Бонни и Клайд? – он как-то сразу забыл про весь свой психоз.

– Нет.

– Я сейчас! – он схватил из пепельницы ключи от машины и, громко хлопнув дверью, выбежал из номера.

– Ты куда?! – только и успела крикнуть ему вслед Мел.

Мел стояла на коленях на стуле и со всех сил старалась получше взглянуть в темноту, прижимаясь носом к оконному стеклу. Только чернота и маленькое жёлтое пятно единственного фонаря, освещающего кусок мокрого асфальта автостоянки. Беспокойство нарастало. Его нет уже около часа. Что ему понадобилось? Куда он пошёл? Обиделся что ли? Вроде ничего обидного не говорила. Лучше бы так и маячил здесь, мало ли что могло случиться в этой глуши ночью. Мел слезла со стула и взяла маленький электронный будильник с тумбочки. Уже прошёл час. Точнее час и семнадцать минут. Мигнули зелёные палочки... восемнадцать минут. Она с досадой швырнула будильник на кровать, вернулась к окну. Ничего не изменилось. Никого не было. «Так нельзя, нельзя. Надо его искать. Я пойду его искать!» – вслух сказала она самой себе, обула босоножки, сгребла из пепельницы ключ от номера, и только взялась за ручку, как дверь открылась сама, и на пороге оказался Оскар с двумя пиццами, двумя бутылками пива, и какой-то квадратной штукой под мышкой, из которой торчали провода. Она посторонилась, Оскар с довольной улыбкой прошагал в комнату и свалил на кровать своё имущество.

– Еле выпросил у администратора DVD, пришлось дать двадцатку. Я взял пива. Тёмного. Ещё взял пиццу. Была только с анчоусами или с ветчиной. Я взял с ветчиной. Ты ведь не любишь с анчоусами. А ты куда? – внезапно вспомнив, что встретил её на пороге, спросил он.

– А я искать тебя собралась...

– Искать меня? Зачем? – он посмотрел на неё с искренним удивлением, отодвинул маленький телевизор и воткнул в него провода от DVD.

– Я думала, с тобой что-то случилось. Второй час ночи, а тебя нет. Почему так долго?

– Мелли, ты не представляешь, как тяжело в этом городишке найти круглосуточный магазин, где продаются диски.

– Какие диски?

– Мелли, не глупи! Сейчас будем кино смотреть и есть. Ну, улыбнись!

– Ты посреди ночи целый час где-то ходил и искал диск с фильмом?!

– Ты что сердишься? Я хотел тебя порадовать.

– Пора бы привыкнуть к твоим сюрпризам. Но я так испугалась, – она скинула босоножки, вернула ключи в пепельницу и обняла его, – Что за кино?

– Ты же сказала, что не знаешь про Бонни и Клайда, вот и посмотришь. Открой пиццу.

Мел залезла на кровать с ногами и склонилась над ароматной коробкой. Оскар загнал в DVD диск с «Бонни и Клайдом» и сел рядом. Пшикнули крышки бутылок, телевизор заговорил монотонным мужским голосом: «Бонни Элизабет Паркер до начала воровской карьеры...», Мел прижалась щекой к плечу Оскара: таким был их первый «семейный» ужин...

– Жалко их. Они не от хорошей жизни стали такими. Поймали бы, в тюрьму посадили. Зачем так жестоко? – фильм уже несколько минут как кончился, пицца с пивом тоже давно закончились, а Мел всё сидела, облизывая пальцы.

– Важно вовремя остановиться.

– Даже если бы они вовремя остановились, на них бы всё равно охотились.

– Наверное. Я не хочу, чтобы с нами такое случилось.

– Да брось, куда нам до них! Бонни Паркер и Клайд Берроу – это легенда, а мы простые люди.

– А эпизод, где в банке не оказалось денег?

– Разве только это. Больше мы ничем не похожи. Ты же не был раньше налётчиком, а Клайд не пытался прыгать с моста. Ещё нам не надо делиться с оравой бездельников. И куш у нас побольше. Кстати, у Бонни причёска неправильная.

– В смысле?

– Такие причёски носили в шестидесятые, а в двадцатые совсем другие.

– Откуда ты знаешь?

– Что тут знать, посмотри любой немой фильм. И ещё, у Клайда были кое-какие проблемы... а у тебя?

– Чего? Какие проблемы?! – Оскар схватил Мел за плечи и опрокинул на подушки.

– Сейчас проверим...

Пошли вторые сутки с момента исчезновения Мелиссы. Ванесса долго сомневалась, винила себя за случившееся, стыдилась, что первый попавшийся ловелас увёз её дочь в неизвестном направлении, но больше оставаться в неведении она не могла. Утром тридцать первого мая она сообщила в полицию об исчезновении дочери. Дело Мелиссы МакГилл досталось детективу Истербуку. Это был грузноватый мужчина лет пятидесяти, отличавшейся крайней невозмутимостью и спокойствием. В любой ситуации беседу он строил в форме допроса. Разговор с Ванессой не стал исключением.

– Значит, у вас пропала дочь. Давайте по порядку. Её имя, дата рождения, род занятий.

– А зачем это всё?

– Нам нужно иметь как можно больше информации.

– Мелисса Кэтрин МакГилл. Родилась семнадцатого марта тысяча девятьсот девяносто третьего года. Учится в Бруклинской Технической Высшей Школе, в одиннадцатом классе.

– Когда исчезла ваша дочь, мисс МакГилл?

– Двадцать девятого мая, около двух часов дня.

– Что ж, уже можно начинать поиски. Где это произошло?

– У её школы.

– Когда вы стали беспокоиться по поводу её отсутствия?

– Когда она вечером не пришла домой. Она никогда не приходила домой сразу после школы, да и я в тот день задержалась на работе. Но уже в десять вечера мне показалось странным её отсутствие. По будням она долго не задерживалась. Её телефон не отвечал. Я обзвонила её друзей, мне сказали, что занятия закончились раньше, и она сразу уехала с каким-то мужчиной. Я всю ночь ей звонила, ждала, что она вернётся, но этого не случилось.

– Мелисса когда-нибудь исчезала подобным образом?

– Нет, никогда.

– Это не мог быть какой-нибудь родственник?

– У неё нет родственников, кроме меня. Мои родители умерли, ни у меня, ни у неё нет братьев или сестёр, об отце она ничего толком не знает, да и я, собственно, тоже, мы расстались ещё до её рождения.

– Почему вы сразу не заявили в полицию о похищении? Ведь если совершено преступление, расследование начинают сразу!

– Я бы не сказала, что это было похищение. Хотя, в какой-то мере... Впрочем, я точно не знаю. Дело в том, что днём она прислала мне сообщение.

– Можно взглянуть?

– Конечно.

– Н-да. Она просит её не искать, она счастлива. У вас есть основания ей верить?

– Да, но это она так думает. А на самом деле всё может быть просто ужасно, только пока она об этом не догадывается. Пожалуйста, найдите Мелиссу, я не могу быть спокойной, не зная, где она и с кем!

– У вас есть какие-нибудь предположения? Кем мог быть тот мужчина?

– Меня там не было.

– И всё же?

– Оскар Соррейс. Я его видела только однажды. Мел нас познакомила.

– Мелисса встречалась с ним?

– Скорее всего. Но она не посвящала меня в свою личную жизнь. Она всегда отмахивалась от подобных разговоров.

– Соррейс... знакомое имя, я где-то его слышал. Что вы ещё о нем знаете?

– Ему тридцать восемь и у него нет работы, по крайней мере, не было на момент нашего знакомства. Больше ничего.

– Вы не одобряли их отношения?

– А вы бы одобрили? Ей только исполнилось шестнадцать, а он её старше больше чем на двадцать лет! Разве такие отношения нормальны? Он что, будет гулять с ней за ручку в парке и есть мороженое?

– Не волнуйтесь. Он не избежит уголовного преследования.

– А если она сама согласилась с ним поехать и это не похищение?

– Неважно. Если ей нет семнадцати, по законам штата Нью-Йорк ему не отвертеться. Было бы ему лет двадцать, тогда у него могли быть шансы, но при такой разнице в возрасте... короче, сидеть ему не пересидеть.

– Их ещё нужно найти.

– Найдём. Для начала я должен опросить всех, с кем Мелисса общалась.

Детектив Истербрук начал своё расследование с допроса одноклассников Мел.

– Назовите, пожалуйста, ваше полное имя, дату и место рождения, род занятий.

– Энн Кларисса Мирроуэй, четырнадцатое сентября тысяча девятьсот девяносто третьего года, Детройт, Мичиган. Учусь в Бруклинской Технической Высшей Школе.

– Вы знакомы с Мелиссой МакГилл?

- Да, мы учимся вместе, дружим с девятого класса.
  - Вы были в школе двадцать девятого мая? Что в этот день произошло?
  - Ничего особенного. Вечером позвонила мисс МакГилл и сказала, что Мел нет дома, и она не может её найти. Но я не знала, и не знаю, где Мел.
  - Она никогда не говорила, что хочет сбежать из дома?
  - Нет.
  - В котором часу Мелисса покинула школу?
  - Отменили два последних урока, так что мы освободились часа в два, даже раньше. Она вышла вместе со всеми, на улице как обычно, было много людей, она стала всматриваться в толпу, будто кого-то искала. Я заметила, что нам машет какой-то мужчина. Я спросила Мел, кто это, а она, вместо того чтобы ответить побежала к нему, а он её обнял и поцеловал, потом они о чём-то говорили, сели в его машину и уехали.
  - Значит, Мелисса поехала с ним добровольно?
  - Конечно! Не то что добровольно, а с радостью. Это же был Оскар.
  - Оскар Соррейс?
  - Наверное. Я не знаю его фамилию.
  - Вы его узнали?
  - Нет, я же никогда его не видела, даже на фотографии. И стояли они далеко. Просто он позвонил Мел днём и сказал, что заедет за ней в школу. Она ещё очень удивилась.
  - Почему?
  - Он раньше никогда за ней не заезжал.
  - Какая у Оскара была машина? Может быть, вы запомнили номера?
  - Я не знаю, Майкл сказал, но я забыла название. По-моему Джесс сказала, что это старый автомобиль, но я в машинах совсем ничего не понимаю, хотя я и из Детройта, а мой папа работает в General Motors. Большая, чёрная, без верха. А номеров я не видела.
  - В каких отношениях были Оскар и Мелисса?
  - Они любят друг друга.
  - Откуда вы знаете?
  - Как откуда?! Мы с Мел всё-таки лучшие подруги. И целовались они совсем не как друзья.
  - Насколько мне известно, мисс МакГилл против их... общения. Они не планировали куда-нибудь уехать?
  - Мел ничего такого не говорила.
  - Что вы знаете об Оскаре? Род занятий, возраст, адрес?
  - Ничего. Только что он старше Мел. Ещё Мел как-то обмолвилась, что он после развода лишился квартиры на Манхэттене и временно живёт у какого-то приятеля. Но адреса я не знаю.
  - Куда они могли бы отправиться?
  - Даже не знаю. Вряд ли они поедут в большой город. Мел всегда хотелось жить в собственном доме, она не любила Нью-Йорк. Хотя, может быть, они поехали в Голливуд.
  - Почему в Голливуд? Вы же сказали, что Мелисса не любит городов.
  - Она всегда мечтала стать актрисой, лучшего места для исполнения этой мечты не найти.
  - Вы можете сообщить ещё какую-нибудь информацию?
  - Я не знаю, боюсь, что нет.
  - Спасибо. Если что-нибудь вспомните, позвоните по этому номеру.
- Энн вышла из кабинета и с облегчением выдохнула. Она очень боялась сказать чего-нибудь не то и в тоже время чего-нибудь не сказать и тем самым запутать следствие. В конце концов, совершенно непонятно, что для Мел будет лучше!
- Джесс так не переживала. Ей было безразлично, найдут Мел и Оскара или нет. Она испытывала отвращение к этому роману. С самого начала она мало верила в его любовь, а теперь

убедилась, что ничего возвышенного и в её любви нет. Она смерила презрительным взглядом взволнованную Энн, и спокойно прошла в кабинет директора школы, любезно предоставленный последним детективу Истербруку для беседы с учениками.

– Назовите ваше полное имя, дату и место рождения, род занятий.

– А то вы не знаете!

– Назовите. Так положено.

– Моё имя Джессика Мэри Грем, я родилась тридцатого декабря тысяча девятьсот девяносто второго года в Нью-Йорке. Учусь в Бруклинской Технической Высшей Школе.

– Вы знакомы с Мелиссой МакГилл?

– Конечно, она моя лучшая подруга. Мы даже в начальной школе вместе учились.

– Вы знаете, что двадцать девятого мая Мелисса не вернулась домой?

– Да, мне звонила её мать.

– Мелисса никогда не говорила, что хочет сбежать из дома?

– Нет. Но этого следовало ожидать.

– Почему?

– Она совсем свихнулась в последнее время. К ней приехал её дорогой Оскар! Конечно, у неё были поинтереснее планы на ночь, чем идти домой к маме.

– За ней заехал Оскар Соррейс?

– Откуда я знаю! Как будто Мел называла его мистер, как вы сказали, Соррейс? У меня сегодня свидание с мистером Соррейсом... мы бы со смеху попадали!

– Значит, Мелисса поехала с ним добровольно?

– Ещё бы! Она за своим богатеньким любовничком и на Аляску поедет.

– Вы считаете, что они состояли в интимных отношениях?

– А как же! Зачем ещё она ему нужна.

– Как вы узнали Оскара?

– Никак. Мел сказала, что я его сегодня увижу. То есть в тот день. Если бы они так бесстыдно не целовались прямо перед дверями школы, я бы ни за что не догадалась.

– Почему?

– Да он в отцы ей годиться! Я не знала, что Мел может спать с кем-то из-за денег.

– Вы считаете, что Оскар богат?

– А то! Какой тогда смысл Мел с ним встречаться? Бедняга Майкл, он так старался привлечь её внимание, а стоило поманить Мел толстым кошельком, она и забыла, что он есть на свете.

– Что вы имеете в виду? Кто такой Майкл?

– Наш одноклассник. Он следующий по очереди.

– Мелисса и Майкл встречались?

– Да, совсем недолго. Мел нравилась Майклу, но всегда была с ним очень сдержана. Он решил пофлиртовать с Барби, ой, то есть с Бланш Оливер, чтобы вызвать её ревность, и сначала так оно и было, но как только Мел встретила Оскара ей стало наплевать на Майкла. Что вы так смотрите? Это правда, Майкл мне сам рассказал, а я рассказала Мел, но она не поверила. Хотя я тоже не совсем поверила, я думаю, что Майклу надоело возиться с Мел, и он переметнулся к Бланш, а появление Оскара его просто задело, – детектив Истербрук почувствовал, что теряет нить разговора и прервал трескотню Джесс.

– Мисс Грем, это всё конечно очень интересно, но к делу не относиться. Вы можете описать, какая у Оскара была машина? Может быть, вы запомнили номера?

– Крутая и дорогая. Хотя и старая. Но может это и антикварный автомобиль. Во всяком случае, тюнинг обалденный. Это машина для человека, который любит выпендриться. Не только показать достаток, крутость, привлечь внимание, для этого есть Бентли и Ламбор-

джини, а именно просто выпендриться, не быть как все. Без цели. На номера я даже не обратила внимания.

– Куда они могли бы отправиться?

– Понятия не имею. Может, на какой-нибудь курорт.

– Вы что-нибудь знаете об Оскаре?

– Ни малейшего понятия. Мел вообще на его счёт шифровалась, слова не вытянешь. Но я думаю, она и сама ничего не знает. Поди, снимали номер на пару часов, и все дела. Может он ей лапши на уши навешал, а сам никакой ни Оскар, а машину взял в прокат. Я больше чем уверена, кинет он её через месяц другой, и всё...

– Спасибо, – детектив снова перебил болтливую Джесс, – Если что-нибудь вспомните, позвоните по этому номеру.

– Ладно. Но я вряд ли позвоню. Вспомнить мне нечего.

– Джесс с ехидной усмешкой кивнула сидевшему в коридоре Майклу. Тот, молча поднялся и вошёл в кабинет.

– Предупреждая ваши вопросы, меня зовут Майкл Питер Лимсби, родился второго ноября девяносто второго в Нью-Йорке. Учусь в Бруклинской Технической Высшей Школе.

– Замечательно. Вы знакомы с Мелиссой МакГилл?

– Мы одноклассники, – с раздражением ответил Майкл. Он ненавидел, когда люди спрашивают то, что и так знают.

– Вы знаете, что двадцать девятого мая Мелисса не вернулась домой?

– Мне об этом сказала мисс МакГилл, её мать.

– Мелисса никогда не говорила, что хочет сбежать из дома?

– Нет.

– Вы встречались с Мелиссой?

– В каком смысле?

– У вас был роман?

– Какое вам дело?

– Но вам она нравилась?

– Я повторяю, это не ваше дело! – детектив всё больше и больше раздражал Майкла.

– Хорошо, как Мелисса покинула школу двадцать девятого мая? В котором часу?

– Как и все, до двух, потому что отменили последние уроки. Села в машину и уехала.

– В свою машину?

– Я думаю, вы знаете, что у Мел нет машины.

– За ней заехал Оскар Соррейс?

– За ней заехал какой-то мужчина, я не знаю его имени.

– Мелисса поехала с ним добровольно?

– По крайней мере, насильно её никто не тащил.

– Как вы считаете, в каких отношениях они состояли?

– Кто?

– Мелисса и Оскар Соррейс! – детектива Истербрука этот парень тоже уже порядком раздражал.

– Я не знаю никакого Оскара Соррейса, и понятия не имею, какие у него отношения с Мелиссой и имеет ли он вообще к ней какое-нибудь отношение!

– Хорошо, как вы считаете, в каких отношениях состояли Мелисса и тот мужчина, который за ней заехал?

– Это не моё дело.

– Хорошо, вы ревнуете Мелиссу к этому человеку?

– Да что вы хотите узнать? Какое вам дело!

– Что вы заладили, дело, дело! Я хочу узнать, где Мелисса МакГилл и какой срок светит тому, кто увёз её! – взорвался детектив. Майкл смутился и переменял тон.

– Я могу сказать только, что Мел побежала к нему, а он её взял на руки и они целовались, а потом о чём-то говорили. Весело, даже, по-моему, смеялись. У Мел было такое счастливое лицо... это точно не похищение.

– Хорошо. Какая у них была машина?

– Насколько я могу судить, это был чёрный Бьюик LeSabre, выпуска не раньше шестидесятого года. У более ранних моделей фары расположены диагонально. Я думаю где-то шестьдесят первый – шестьдесят третий. Номеров я не запомнил.

– Куда они могли бы отправиться?

– Не знаю.

– Спасибо. Если что-нибудь вспомните, позвоните по этому номеру.

– Вам не стоит на это рассчитывать. Я сказал всё.

Показания остальных одноклассников дали ещё меньше. Все знали, что у Мел кто-то появился, но в лицо его не знали. Машина многих удивила, но номера неизвестны, и никто не предполагал, что Мел может сбежать и тем более не знал, куда она может сбежать. Учителя отзывались о Мелиссе как о весьма способной ученице, но не старательной, удивлялись, как она могла так исчезнуть. Директор школы Ренди Ашер был особенно поражён, тем, что ей оставалось доучиться только год, а она, в принципе не худшая ученица, бросила столь престижную школу.

Где они могут скрываться? Искать по курортам это гиблое дело, а вот Лос-Анджелесских коллег стоит побеспокоить, может либо они сами, либо машина и засветились где-нибудь. Кстати, машина... на неё стоит обратить внимание. Это же не какой-нибудь Форд, вряд ли их много наберётся в Нью-Йорке, да даже в стране. И ещё нужно пробить по базам этого Соррейса. Конечно, нет доказательств того, что она уехала именно с Соррейсом, тем более что одноклассники считают его богатым, а мать Мелиссы – безработным, но маловероятно, что она знакома ещё с одним Оскаром такого же возраста. Стало быть, и нет доказательств, что это один человек. Дать объявление на телевидение? Нет, это только вспугнёт их, нужно действовать осторожнее.

IX

Уткнувшись лицом в подушку, Мел крепко спала на широкой неприлично сбитой постели в номере мотеля, натянув на себя угол одеяла. Слегка завозившись во сне, она откинула руку на соседнюю подушку, бессознательно зашарила по ней, но так ничего не нашла. Она открыла глаза. Оскара не было. Мел в недоумении села. Она подумала, что он в душе, и прислушалась, но было тихо. Она позвала. Ответа нет. Мел спустила босые ноги на пол, стащила с кровати одеяло и, завернувшись в него, зашлёпала к ванной, но Оскара там не оказалось. Мел вернулась в комнату, уже начиная предчувствовать худшее. Оглядевшись, она увидела только свою одежду, а в пепельнице лежали ключи только от номера. Она кинулась к сумке с деньгами, спрятанной под кроватью. Старательно пересчитала. Ровно половина! Всё стало ясно. Она села прямо на пол и заревела. Джентльмен, нечего сказать, забрал только свою долю! Бросил, одну, в придорожном мотеле, и даже записки не оставил! Мог бы и в лицо сказать, что она ему не нужна! Она бы всё поняла. Трус!

Где-то очень далеко хлопнула дверь, и на пороге появился Оскар, с сияющим, как новенький пятак, лицом.

– Уже проснулась? А я думал, успею, – весело спросил он. Она подняла заплаканные глаза.

– Успеешь ещё мою половину забрать и исчезнуть? Жалко стало мне столько денег оставлять? Забирай, я не жадная! – сквозь зубы процедила она.

– Не понял. Что за слёзы? Какая половина? – Оскар присел рядом на корточки.

– Решил уйти, так уходи! – Мел вскочила на ноги и повернулась к Оскару спиной.

– Что я решил? Мелли, ты подумала, что я от тебя сбежал? – он обошёл её и встал так, чтобы видеть её лицо.

– А что я могла ещё подумать? Ни тебя, ни одежды, ни ключей от машины, ни денег!

– Что же мне и в магазин нельзя выйти?

– С распахнутой по карманам половиной миллиона?

– Это, смотря в какой магазин идти.

– И в какой же ты ходил? В магазин, где продают заводы, дворцы, пароходы? И, кстати, где деньги?

– В бумажнике.

– Где? Ты издеваешься, да? Где ты был? Куда ты дел все деньги?

– Не ругайся. Я очень тебя люблю, – только и ответил он. Мел стояла напротив него, точнее огромный трясущийся от гнева комок, из которого торчали ноги и голова. Он обнял её вместе с одеялом, усадил на кровать и встал перед ней на колени.

– Не уходи от ответа!

– Я очень тебя люблю, – повторил он, чётко проговаривая слова, как будто она плохо его понимала, – Выходи за меня замуж.

– Что?

– Это тебе. Я ходил покупать его, – он достал чёрненькую коробочку из нагрудного кармана рубашки. Она открыла. Внутри было золотое колечко в виде двух сцепленных петель, усыпанных бриллиантами.

– Ты с ума сошёл. Оно же стоит...

– Сколько надо столько и стоит. Дай пальчик. Надо же, угадал. Я всю дорогу мучился, подойдёт или нет. Нравиться? – он поцеловал её маленькую, распаренную в тепле, ладошку и его собственные руки показались Оскару слишком грубыми и холодными. Ему отчаянно захотелось нырнуть к ней внутрь одеяла, внутрь этого нежного, мягко обволакивающего тепла.

– Я сначала хотел купить с одним камнем, чтобы шикарно выглядело, а потом это увидел и понял, что вот эта петелька с белым золотом – ты, а вторая – я. И мы никогда не сможем расстаться. Так ты выйдешь за меня? – его руки вслед за её забрались в одеяло и холодные ладони сомкнулись на тёплой бархатной коже талии. Её словно ударило током, и она с усилием ответила невнятным голосом:

– Ты же знаешь, мы не можем пожениться.

– А что нам мешает? Я уже давно разведён. Или у тебя кто-то есть? Говори, несчастная, я его убью! – он засмеялся и повалил её на спину.

– Не паясничай! Ты прекрасно знаешь, почему я не могу выйти за тебя!

– Нет, не знаю.

– Посмотри в мой паспорт и вспомни что я девяносто третьего года рождения!

– Это не проблема.

– Ещё какая проблема! Или мы поженимся на Кубе?

– Зачем на Кубе?

– Там совершеннолетие в шестнадцать.

– Далековато будет. Давай поженимся здесь.

– И как же, позволь спросить? Стоит нам прийти в мэрию, как меня водворят домой, а тебя упекут за соращение несовершеннолетней! Или как там это называется?

– Наши с тобой отношения, по крайней мере, в уголовном кодексе Нью-Йорка, называются изнасилованием третьей степени.

– Какой ужас! Хотя, я не права. Вообще-то нас обоих посадят. Банк-то мы вместе взяли, так что мы подельники. Но мне достанется только за банк, а тебе ещё и за меня.

– Мелли, во-первых, нас ещё не арестовали, во-вторых, доказать, что ограбление это наших рук дело не так просто, а в-третьих, зачем нам в мэрию? Мы будем венчаться.

– Но этого не достаточно.

– В мэрии мы поженимся, когда тебе исполнится двадцать один, прямо в твой день рождения.

– Это же через пять лет!

– А ты меня хочешь раньше бросить? Не выйдет, не отпущу! Я уже договорился со священником на завтра.

– Как, уже завтра? И мы вот так просто поженимся, без всего?

– А что тебе нужно?

– Что обычно бывает на свадьбах. Хотя, всё это так глупо.

– Не волнуйся, всё у нас будет.

– Моей мамы не будет. Я так скучаю. Никогда не думала, что буду так скучать.

– Хочешь, мы вернёмся? Только скажи.

– Нет! Тогда придётся нам с тобой расстаться.

– Давай купим фотоаппарат, сделаем кучу снимков и пошлём твоей маме из Интернет-кафе?

– Я тебя обожаю. Как ты всё так легко придумываешь?

– Это профессиональное. Выслеживать преступников не могут безыдейные люди. Давай, вставай, нам ещё столько надо успеть!

– Что успеть?

– Мелисса! Как что? Фотоаппарат, платье, торт, ресторан, кольца! Нам же надо организовать настоящую свадьбу за один день. Или ты не хочешь?

Поиски Оскара Соррейса дали самые неожиданные результаты. Их рано утром принёс напарник детектива Истербрука офицер Уитли. Уитли был вчерашним выпускником академии, только месяц назад покончивший с обязательным патрулированием и наконец-то пере-

ведённый на «настоящую» работу, так что любой неожиданный поворот дела вызывал в нём неопиcуемый восторг, в отличие от бывалого детектива Истербрука, который в это утро был особенно угрюм, так как опаздывал и не успел позавтракать.

– Это нечто невероятное, сэр! – вскричал Уитли, появляясь в дверях кабинета.

– Ну что? – буркнул детектив.

– Держу пари, вы не догадаетесь!

– Теперь мы будем играть в угадайку... хорошо, он Второй Потрошитель и полжизни провёл на зоне?

– Нет, сэр! В том-то всё и дело, что он кристально чист, ни разу не привлекался, даже как подозреваемый, даже как свидетель!

– И что же здесь такого хорошего?! Чему радоваться? Тому, что на него ничего нет в базах, что оборвалась последняя ниточка, а мы как ничего не знали, так и не узнаем?! – Уитли стоял ошарашенный. Он никогда не видел, как ругается детектив Истербрук. Впрочем, сам детектив Истербрук тоже весьма удивился тому, как странно на него влияет это, в общем-то, обычное дело.

– Напротив, сэр. Мы теперь знаем об Оскаре Уильяме Соррейсе абсолютно всё.

– Каким же образом?

– Он агент ФБР.

– ФБР?!

– Бывший.

– Слава Богу, что бывший! А то я совсем перепугался. Ну что стоишь, достал копию личного дела? Рассказывай!

– Вот. Родился пятого ноября тысяча девятьсот семидесятого года, в городке Юго на острове Гуам.

– Где, где? Что-то он не похож на филиппинца! – удивился детектив, разглядывая фотографию Оскара.

– Он и не филиппинец. Отец Уильям Джон Соррейс, пилот авиабазы Андерсен, родился шестого января тысяча девятьсот тридцать восьмого года в Нью-Йорке, погиб тридцатого марта тысяча девятьсот семьдесят второго в так называемом «Пасхальном наступлении», посмертно награждён медалью Почёта. Мать Патриция Анна Клейтон, учитель английского языка, родилась восемнадцатого июня тысяча девятьсот сорок шестого года в Нью-Йорке, умерла четвёртого февраля две тысячи третьего года. Вероятнее всего она вместе с сыном вернулась на континент для получения медали мужа, и не уезжала обратно. Во всяком случае, маленький Оскар Соррейс в школу пошёл в Нью-Йорке. Как сын кавалера медали Почёта он имел право на поступление вне конкурса в любую военную академию. Он естественно выбрал Вест-Пойнт, куда поступил в восемьдесят восьмом и окончил соответственно в девяносто втором, получив чин второго лейтенанта.

– Стоп, он армейский офицер? Ещё этого не хватало! А причём здесь тогда ФБР?

– Вы слушайте дальше, детектив! До девяносто седьмого года отслужил положенные пять лет и, что очень странно, но факт – уволился в чине первого лейтенанта. С девяносто восьмого специальный агент ФБР, сотрудник Криминального Следственного Отдела. В этом же году он женился на Алисии Роуз Андерсон, тысяча девятьсот семьдесят третьего года рождения. По службе нареканий не имел, один из лучших агентов, один раз был ранен. Но, как ни странно, был уволен из ФБР в две тысячи восьмом году за незаконное применение оружия при задержании. И ещё: он владелец автомобиля Бьюик [LeSabre](#) выпуска шестьдесят третьего года чёрного цвета, государственный номер СМВ 5671!

– Машина может где-то засветиться, но слишком надеется на это не стоит. Что-то тут не вяжется.

– Что именно. Вроде в его биографии пятен нет?

- В том-то и дело, Уитли. Вест-Пойнт, армия, ФБР и вдруг связь со школьницей.
- Вы считаете, что Мелисса уехала с кем-то другим?
- Нет, слишком много совпадений.
- Может он не знал, сколько ей лет?
- Уитли, он забрал её из школы!
- Остаётся только одно.
- Что? – в голосе детектива мелькнула надежда.
- Любовь. Настоящая, большая и чистая или как там говорить?
- Извращение это, а не любовь! Впрочем, какая бы любовь у них не была, нам их надо найти. Зуб даю, они вместе. Есть что-нибудь ещё?
- Есть адрес на Манхэттене, где может проживать его жена.
- Едем.

Дверь открыла стильная брюнетка в ярко-алом платье и, смерив полицейских недоверчивым взглядом, спросила:

- Что вам нужно?
- Детектив Истербрук, офицер Уитли, – они показали жетоны.
- И что?
- Вы Алисия Соррейс?
- Пока да.
- Нам нужно задать вам несколько вопросов.
- Проходите, только, пожалуйста, не долго. Вам очень повезло, что вы вообще меня застали. Я сегодня уезжаю, – она процокала каблучками к низенькому дивану в японском стиле и жестом пригласила полицейских сесть.
- Спасибо. Вам известно, где сейчас ваш муж? – детектив весьма неуклюже плюхнулся на диван и мысленно ужаснулся тому, как придётся вставать. Уитли был похудее, но тоже испытывал изрядные неудобства. Ему пришлось либо вытягивать ноги в аккурат до дивана напротив, где на удивление элегантно сидела хозяйка, либо подтягивать колени к ушам. Он выбрал второе.
- Сейчас у меня нет мужа. Если вы о Соррейсе, то уже два месяца как он мне не муж. Официально!
- Я сожалею.
- А я нет. Это всё что вы хотели знать?
- Нет. Что вы можете сказать о своём бывшем муже?
- Что именно вас интересует? – неопределённые вопросы полицейских уже начинали её настораживать.
- Что он за человек? Где он живёт?
- Самый обыкновенный. А где он живёт, понятия не имею. По контракту квартира моя.
- Кто был инициатором развода?
- Зачем вам это знать? Зачем вы вообще пришли?
- Ответьте, пожалуйста.
- С такими, как я, не разводятся. Тем более такие, как Соррейс. Можете думать, что я стерва, и всё такое прочее.
- Это, какие – «такие»?
- Неудачники, увальни, тряпки. Продолжать?
- Не стоит, я понял. Чем мистер Соррейс занимался после увольнения из ФБР?
- Бизнесом. Кажется, занимался установкой сигнализаций и всяких подобных вещей.
- Как у него шли дела?

– Никак. Ему противопоказано заниматься бизнесом. Он разорился, чего и следовало ожидать.

– Почему его уволили из ФБР?

– А у него принципы разыграли! Он же у нас ещё и принципиальный! – в голосе невозмутимой Алисии прозвучало раздражение или даже отвращение.

– Объясните.

– Это лучше спросить у его коллег. Я почти ничего не знаю.

– С кем вы посоветуете поговорить? У него были друзья в бюро?

– Нет, он вообще замкнутый человек. Но больше всего он общался с одним кинологом. У этого кинолога была какая-то замечательная собака, и они часто вместе работали. Только я плохо помню, как его звали, какая-то простая фамилия, типа Эдвардс или Эванс, а имя помню, Роджер. Его ещё иногда называли Весёлым Роджером, в честь пиратского флага. По-моему, всё-таки Эванс.

– Уверены? Это очень важно.

– Я сказала, как помню.

– Хорошо. Адреса, я полагаю, вы не знаете. (Она покачала головой.) Вы можете предположить, куда бы мистер Соррейс мог поехать?

– Никуда.

– Подумайте, может у него есть дом за городом, или у моря, или, в конце концов, место, где вы любили отдыхать.

– Мы – отдыхать?! – она громко засмеялась, – За все одиннадцать лет брака мы съездили только в свадебное путешествие в Швейцарию!

– Я не поверю, чтобы вы не любили курортов.

– Я-то люблю, а он – нет. Курорты его раздражают, и времени у него всегда не было. Я путешествовала одна.

– А остров Гуам?

– Какой ещё Гуам? Это где?

– В Тихом океане. Мистер Соррейс там родился.

– Аааа, да, припоминаю. Его отец служил там на какой-то базе. Но Соррейс никогда там не был в сознательной жизни. Он ничего там не помнит, и у него ничего там нет.

– У мистера Соррейса есть машина марки Бьюик?

– Повторяю, у него сейчас ничего и нигде нет. Но была. Вообще, если вам хочется увидеть его настоящую жену, то это как раз эта груда железа. Он её обожал.

– Значит, вы не знаете, где сейчас может находиться мистер Соррейс?

– Послушайте, я и Соррейс – чужие люди, я ничего о нём не знаю, а он – обо мне. Мне жаль, но я ничем помочь не могу. А почему он так вас интересует? Он вляпался в какую-то историю?

– А почему вас это интересует, вы ведь чужие люди?

– Я полчаса отвечаю на ваши дурацкие вопросы, в конце концов, мне интересно зачем! И вы до сих пор не объяснили, по какому делу вы пришли!

– Не беспокойтесь, ещё только один вопрос. Ваш бывший муж способен совершить преступление?

– Соррейс? Преступление? Вы рехнулись! Его физиономию можно печатать на обложках Конституции, как олицетворение совести и закона.

– Да? Вы уверены?

– Уверена ли я? Я одиннадцать лет была его женой и одиннадцать лет терпела его правильность и честность.

– Но его уволили за незаконное применение оружия.

– Мало ли, что написано в личном деле! Его уволили только за то, что он не поступился своими принципами. И за это его уважают все, кроме меня.

– Почему кроме вас?

– Я считаю, что человек должен делать всё для благоденствия своей семьи. Для него семья было дело номер двадцать пять, или даже тридцать восемь. Разрешаю считать меня эгоисткой. Я с пяти лет в модельном бизнесе, для нас нормально думать только о себе. Надеюсь, это всё?

– Почти. У мистера Соррейса были когда-нибудь увлечения?

– В смысле хобби? Разве что машина. И ещё он читал всякие юридические книги: законы, кодексы, комментарии к ним. Как это всё можно читать?!

– Нет, в смысле девушки. Молодые.

– Ну, он не евнух, естественно, что ему нравятся девушки, и сам он вполне привлекателен. Но я не думаю, что у него была любовница во время брака, он не из тех людей, хотя всё возможно. А сейчас я вполне искренне желаю ему найти своё счастье.

– И последнее. Вам знакомо имя Мелисса МакГилл?

– Впервые слышу. А она что, та самая любовница?

– Посмотрите на это фото, может вы когда-нибудь видели эту девушку?

– Нет, не видела. Это Мелисса? Симпатичная и молодая, даже слишком. Ей ведь лет двадцать, не больше?

– Шестнадцать.

– Да? Что ж, если у Соррейса роман с этой девочкой, то я была замужем за каким-то другим человеком. Я даже не могу представить, как они могли бы познакомиться. Какое отношение к ней имеет Соррейс?

– Она пропала. По всей вероятности, он был последним, кто её видел.

– Мне жаль. Правда. Но ничем помочь не могу.

Найти кинолога Роджера Эванса оказалось совсем не сложно. Уже через час детектив Истербрук и офицер Уитли подъехали к Порт Моррис – старой полузаброшенной промзоне с доками и парой унылых жилых улиц. Они вышли из машины, и в лицо им пахло тухлой водой. Детектив ненавидел эту сторону города. Он был человеком во всех смыслах приличным: жил в недорогом, но пристойном районе, работал без трудоголизма, но аккуратно и на пользу общества, любил жену, женщину простую, но очень хорошую, играл с детьми в бейсбол по воскресеньям. А здесь... бетонные стены, испещрённые бездарными граффити, гнилые доски, пустые пластиковые бутылки, ржавые бочки и влажная вонь, а в нескольких метрах лепятся друг к другу странные постройки с грязными окнами и, словно, облитыми помоями, стенами, которые едва можно назвать домами. Рассадник людских пороков, помноженных на нищету и безысходность. Хуже, наверное, только файеллы Рио-де-Жанейро. Он не понимал такой жизни и как мог, сторонился таких мест, что в силу профессии, ему плохо удавалось. Как назло, именно в подобных районах чаще всего совершались преступления, и этот день не был исключением.

В этом глухом месте патрульными был обнаружен труп, и агент Эванс должен был быть там. Показав жетоны, они прошли через оцепление.

– Доброе утро, я ишу Роджера Эванса, – обратился детектив Истербрук к агенту, склонившемуся над трупом девушки с изуродованным лицом и порванной одеждой.

– Он сейчас работает с собакой, и где он – понятия я не имею. А вы кто?

– Детектив Истербрук.

– Агент Уильямс. С этим делом работает ФБР и полиции здесь достаточно.

– Я по другому делу.

– Эванс должен скоро вернуться. Извините, мне надо работать. Харпер, нужно вызвать на опознание этих, из банка. Кейт, как её там... Кейт Бортак и Томаса Шульца! – прочитал он в блокноте.

– Зачем? – искренне удивился агент Харпер.

– Она похожа на заложницу, не видишь! Бежевые брюки, белая рубашка. И ещё надо посмотреть пропавших за вчерашний день.

– Далековато отсюда до банка.

– У него было полно времени привезти её сюда. Убийство явно совершено в другом месте. У неё блузка на спине порвана, скорее всего, её за ноги волокли по асфальту. А вот и Эванс! Что у тебя?

– Собака потеряла след у шоссе.

– Я на большее и не рассчитывал. Тут по твою душу пришли. Вон там стоят, – агент Уильямс кивнул на отошедших в сторону полицейских. Роджер направился к ним.

– Здравствуйте, вы меня искали? – Увидев его, Истербрук и Уитли сразу поняли, чем он заслужил прозвище «Весёлый Роджер». Даже рядом с трупом с его лица не сходила широченная улыбка, открывающая торчащие вперёд зубы. Он оказался весьма приветлив и с охотой согласился отвечать на вопросы.

– Знаком ли вам Оскар Соррейс?

– Да. Мы часто втроём работали. Я, Соррейс и Норма.

– Кто такая Норма?

– Вот она, перед вами. Немецкая овчарка.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Дня два, может три назад.

– При каких обстоятельствах?

– Дома.

– Вы вместе живёте?

– Он попросил приютить его на некоторое время. У него были проблемы с жильём после развода.

– Вас удивило то, что он два дня не появлялся?

– Не очень. Он мне не докладывает. Правда, несколько странно, что он оставил все вещи. Поначалу это не вызвало у меня вопросов: Оскар занял у меня достаточно крупную сумму денег, и я был уверен, что он вернётся и отдаст долг, но вчера вечером я проверил свой счёт и узнал что мне переведена вся сумма.

– Вы можете предположить, где он может находиться?

– Нет. Но зачем вы спрашиваете о нём?

– Нам нужно его найти. Он может помочь нам в раскрытии одного дела.

– Как консультант?

– Скорее, как свидетель. Так вы не знаете, где он может быть? Может, у него есть девушка?

– Он не делился со мной подробностями личной жизни. Правда, я несколько раз слышал, как он говорил по телефону с какой-то Мелли.

– Он ничего о ней не говорил?

– Нет. Я, правда, как-то поинтересовался, он сказал, что она его друг. Я ещё пошутил, что друзья в юбках бывают только в Шотландии.

– Вы сказали, что он оставил все вещи. Не могли бы мы их осмотреть?

– Конечно. Если вы предъявите ордер на обыск моей квартиры.

– Спасибо. Если он свяжется с вами, сообщите, пожалуйста, по этому телефону.

– Если вы его найдёте, тоже, пожалуйста, сообщите. Всего доброго.

- Не понимаю, почему все норовят ставить нам палки в колёса!
- Что ты имеешь в виду, Уитли?
- Но вот какая ему разница, есть у нас ордер или нет?
- Таков порядок. А ты бы позволил какому-то неизвестному типу рыться в вещах лучшего друга?
- Нет.
- Вот и он не позволил. Да и вряд ли мы нашли бы там что-нибудь интересное. Кстати ты же ещё должен был осмотреть комнату Мелиссы МакГилл?
- Да, но там ничего интересного. Обычная девичья комната. Обои в цветочек, мягкие игрушки. Ничего имеющего отношения к любимому человеку, ни фотографий, ни записок, ни засушенных цветков. Дневника она не вела.
- Жаль. А компьютер есть?
- Ноутбук.
- Ты его забрал?
- Зачем? Я там всё посмотрел. У неё не было никаких паролей, страница фейсбука загружается автоматически. Там есть старая переписка с Оскаром Соррейсом, но это больше похоже на дружескую беседу. Я на всякий случай распечатал.
- А она не вела этот... как его... блог... блуг... сейчас модно очень их вести в Интернете! Там ещё всякую ерунду пишут: я сегодня встал с правой ноги, съел два тоста с кофе, – Уитли не удержался и расхохотался.
- Вы про блог?
- Что смешного! Между прочим, когда я родился, Интернета вообще не было!
- Вы так смешно представляете себе блоги, а на самом деле там есть много интересного. Но Мелисса не вела блог.
- Есть какая-нибудь информация по их телефонам?
- Её обнаружить не удалось, а вот его высветился. Он движется на запад, сейчас где-то между Далласом и Альбукерке, причём весьма быстро.
- Думаешь, едет?
- Да, я по карте посмотрел, скорее всего, на поезде.
- Чего он забыл в этом поезде, когда у него машина! Нужно передать на станции, чтобы его задержали или хотя бы не выпускали из виду.
- А Алисия та ещё штучка! Думаю, она что-то знает.
- Вот именно, штучка. Я её, кажется, видел на обложке одного из журналов жены. Странно, как она вышла замуж за какого-то агента ФБР? Но нам она совершенно бесполезна.
- Почему?
- Разве ты не заметил, что у неё новая жизнь, что Соррейс для неё забытое прошлое? Ей ни к чему, ни сажать его, ни покрывать.
- Откуда вы это знаете?
- Во-первых, она говорила едва не открытым текстом, во-вторых, на столике лежали два авиабилета. Она уезжает, и не одна, и я очень сомневаюсь, что в компании подружки.

Агент Харпер только вернулся с опознания трупа, найденного в Порт Моррис, и только нацелился на свой любимый стул, как агент Уильямс сразу ошарашил его новостью.

- Харпер, собирайся. Вечером мы едем в командировку.
- Куда на сей раз нас несёт? – Джеймс уселся в своё любимое кресло и сразу сделал несколько оборотов.
- В Байхейлиа, Миссисипи. Это недалеко от Мемфиса. У нас второй эпизод.
- С банком American Way?
- В десятку.

– Много взяли?

– Ничего.

– Как так? А где смысл?

– Этот филиал оказался не рентабельным, и его закрыли. За час до ограбления вывезли всю наличность.

– Вот так случай! Серия вырисовывается. А фигуранты?

– Сам грабитель – один в один, но с ним была девушка.

– Наша заложница?

– Это нам и предстоит выяснить. Кстати, а что с опознанием вчерашнего трупа?

– В интересующий нас период времени пропали только две девушки, но одна Джулия Кларк была афроамериканкой, а вторая, Мелисса МакГилл исчезла с порога своей школы. Так что заложницей она никак быть не могла. В принципе она могла быть убитой, но мы вызвали её мать на опознание, и она с уверенностью сказала, что это не её дочь. Кейт Бортак сказала, что узнать её не может, так как лицо изуродовано, но в принципе она похожа на похищенную из банка девушку. Томас Шульц склонился к выводу, что это она, но не уверен, так как видел её в основном со спины.

– Даже если это она, нам нужно знать её имя! Пусть снова сделают объявление по разным каналам. Кстати, я тут ещё раз пересмотрел списки, предоставленные банком, и нашёл одно интересное совпадение, вот: некий Оскар Уильям Соррейс, в течение года не делал никаких выплат по кредиту, имущество конфисковано в пользу банка.

– И что?

– А то, что владелец банка, Эван Сайлачек, по слухам из таблоидов собрался жениться на некоей фотомодели по имени Алисия Соррейс, и мне не верится, что они однофамильцы.

– Нужно наведаться к этой Алисии до командировки.

– Агент Уильямс и агент Харпер, ФБР, – привычно представились Френк и Джеймс, показывая жетоны.

– Вы что, сговорились? – раздражённо спросила эффектная брюнетка, открывшая им дверь.

– Простите, мэм?

– С утра приходили полицейские и задавали какие-то странные вопросы, а теперь вы. Что вы стоите, проходите, раз пришли! Может, подождём полчаса?

– Зачем? – удивился агент Уильямс.

– Как? Вдруг ЦРУ нагрянет, что мне одно и то же два раза рассказывать! У меня, между прочим, через четыре часа самолёт, и я не намерена опаздывать.

– Мы не отнимем у вас много времени. А по какому поводу к вам приходили из полиции?

– Это вы лучше у них спросите.

– Поймите, мы – разные ведомства и это не совсем удобно.

– Я это прекрасно знаю, и ваше удобство меня несколько не беспокоит. От штаб-квартиры бюро до полицейского управления не три дня на оленях ехать. И, я надеюсь, вам известны такие чудеса техники как телефон и почта, которая, вы не поверите, бывает обычная и электронная! Так что узнаете, если надо. Что замолчали, спрашивайте!

– Вы знакомы с Оскаром Соррейсом?

– И вы туда же? Да, мы некоторым образом знакомы. Знаете ли, за одиннадцать лет брака трудно не познакомиться!

– Насколько нам известно, вы разведены?

– Да, чёрт возьми! Это переходит всякие границы, я ещё понимаю, мой развод не даёт покоя журналистам, но полиция и ФБР?! – её негодование казалось, несколько не трогало дотошного агента Уильямса.

– И вы выходите замуж за Эвана Сайлачека?

– Объясните, наконец, почему ФБР так заботит моя личная жизнь?! – ещё чуть-чуть, подумал агент Харпер, и она запустил во Френка бонсаем, стоявшим перед ними на низеньком столике. Сам он как обычно молчал, предоставляя напарнику возможность задавать вопросы, Френк по природе был разговорчивее, любил мыслить вслух, и почему-то люди с ним разговаривали намного охотнее, чем с Джеймсом.

– А какие отношения у мистера Соррейса и мистера Сайлачека?

– Какие у них могут быть отношения, они даже не знакомы!

– Но ведь мистер Соррейс брал кредит в банке мистера Сайлачека?

– Д-да... и что? Для этого не нужно быть знакомым с владельцем банка, – при упоминании о кредите, весь гнев Алисии моментально куда-то испарился, она растерялась и даже не сразу подобрала нужные слова для ответа, что конечно не укрылось от агентов.

– Мистер Соррейс в течение года не делал никаких выплат по кредиту, что и послужило причиной его разорения. Весьма странный поступок, не находите?

– Не знаю. Я ничего о его делах не знаю. У него были проблемы с бизнесом, и кризис... ничего удивительного, что ему нечем было платить.

– Зачем тогда брать кредит, если не можешь его погасить?

– Взять кредит легко, кто же думает о том, как будет отдавать, да ещё с процентами.

– Согласен. А мистер Соррейс не был зол на мистера Сайлачека? Не хотел отомстить ему за разорение?

– Отомстить? Соррейс? Нет! Подождите, вы что, связываете его с ограблениями?

– Мы должны проверить все версии.

– Соррейс не может ограбить банк.

– Почему? Хотите сказать: «он на это не способен»? Знаете, сколько таких «не способных» по тюрьмам сидит?

– Он действительно не способен. Он не может совершить ничего противозаконного. Он был вашим коллегой.

– Он работал в ФБР? Странно, я не помню никого с такой фамилией. Впрочем, как это ни прискорбно, и бывшие агенты иногда опускаются.

– Из-за его честности он лишился работы. Поговорите с теми, кто его знал, и вы меня поймёте.

– И кто эти люди?

– Роджер Эванс.

– Эванс? Кинолог?

– Да.

– Прекрасно, я отлично его знаю. Да, и ещё, вы не в курсе, в последнее время Соррейс никак не повреждал правую руку?

– Понятия не имею, я не его лечащий врач. Вы лучше спросите, когда я в последний раз его видела!

– И когда же?

– В суде, два месяца назад!

– Благодарим за информацию, мэ. До свидания.

– Прощайте, – машинально ответила она.

Алисия не могла дождаться, когда они уйдут. Ей нужно было подумать. Мог или не мог? Если это Соррейс ограбил банки Эвана, то она точно была замужем за каким-то другим человеком. Несомненно, у него есть причины для мести, но чтобы Соррейс мстил? Это слишком невероятно.

Выйдя от экс-миссис Соррейс, агенты решили сразу навестить Роджера Эванса, в конце концов, время терпит, банк в Байхейлиа уже ограбили, а если точнее, то недоограбили, и он никуда не убежит. Роджер встретил своих коллег намного приветливее:

– Так вы, ребята, по делу? – удивился он, когда агенты отказались от предложенного пива, – В качестве агентов, а не друзей? Да, кому нужен старина Эванс! Разве что тебе, Норма, да и то, когда наступает время обеда, – он потрепал за ухо большую овчарку, сопровождавшую его по пятам, – Дерзайте, спрашивайте, что вам интересно?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.